

Мария Фомальгаут
Вечномечтовые

Мария Фомальгаут

Вечномечтовые

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Вечномечтовые / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

Глаза времени... Да, у времени есть глаза. А что, не знали? Да мало кто знает. А они есть. Нет, конечно, глаза времени увидеть — удача редкая. Время, оно осторожное, оно пугливое, время, оно свои глаза прячет и никому не показывает.

Содержание

Сто двадцать семь мелодий	6
А здесь тоже можно жить	9
Цап-Цап	11
Ай да Пушкин...	15
Булкеровская премия	19
В Каракарельских горах	22
В такой снегопад...	26
Вавилон	28
Ведро тепла	37
Займ	45
Верхом на танке Хан Мамай	47
Ветер возвращается	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вечномечтовые

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Сто двадцать семь мелодий

Дождь барабанит в витрины маленького магазинчика, мимо которого хоть раз десять пройди – не заметишь.

Тускло мерцает в витрине керосиновая лампа, оставшаяся непонятно с каких времен. Покупатель нервно перебирает товар, торговец волнуется, как бы не выронил...

– Так вы говорите... все мелодии играет?

– Сто двадцать семь мелодий. Полонез, лунную сонату, увертюру к Фаусту, ну и из наших, из современных, Тинкербелл там есть, Хотель Калифорния, куранты, Мендельсон...

Покупатель вздрагивает при имени Мендельсона, не к ночи будь помянут, тоже верно, боятся его холостяки, боятся... И как это у продавца вырвалось про Мендельсона, так и человека спугнуть недолго...

– И сколько?

Торговец называет цену.

– Нехило берете.

– Сто двадцать семь мелодий, – повторяет продавец.

– Ладно... ох, разорите вы меня... давайте...

Дождь стучит в стеклянную дверь магазинчика, просится войти. Ветер дергает дверь, побренькивает колокольчиком, впустите, впустите, просачивается за посетителем, ложится у входа.

– Знаете... а моей мелодии тут нет, – посетитель кладет на прилавок дверной звонок, купленный неделю назад.

– Сто двадцать... – как заводной повторяет продавец, не договаривает.

– ...но моей мелодии нет.

Ночь подбирается к витринам, боязливо заглядывает в стекла, шарахается от свечения лампы. Покупатель недоверчиво крутит в руках модный телефон.

– До трех тысяч мелодий, блютуз, интернет...

– Да нет, нет, мне эти все заморочки не надо, мне бы вот, мелодии...

– Три тысячи мелодий, без проблем... могу из интернета закачать.

– Да уж закачайте, пожалуйста, я-то в новинках этих не понимаю ничего...

Ветер просачивается в щелку двери, играет с лампадой, пытается загасить, не может.

Дождь стучит в стекло. Уже знает, что ему не откроют, но все-таки стучит. По улицам крадется ночь, ищет пристанище, не находит.

Звякает колокольчик, продавец настораживается, как бы ветер не просочился, опять выгонять его веником. Ветер обнаглел, веника уже не боится, грызет его и кусает.

Нет, не ветер. Покупатель. Все тот же, худой, высокий, с проседью, который заходил позавчера.

Кладет на стол купленный телефон, у продавца ёкает сердце, черт, опять брак подсунули, мэйд ин чайна, а продавец теперь отвечать должен. Торговец вздыхает, думает, сколько осталось до осени, до не такой, а до настоящей осени, когда листья облетят, и небо станет высоким-высоким. Тогда можно и собрать свой скарб, и на юг податься. А пока терпи, стой за прилавком, еще не все распродал.

– Что-то... не так?

– Знаете... здесь нет моей мелодии.

– Из трех ты...

– ...и нету.

- Хотите сказать, вы все пере...
- ...пробовал. Но здесь моей мелодии нет.
- Ну что же. Давайте... другое вам что-нибудь подберем...

Торговец в отчаянии оглядывает стеллажи, поправляет звезду, которая светит в лампаде вместо огня. Что бы такое предложить гостю, плеер, нет, не то, или арфу, на которой еще Орфей играл, нет, тоже не то...

- А вот... – протягивает сферу. Тонкую, хрустальную, невесомую.
- Ч-что это?
- Музыка. Музыка небесных сфер. Вот там точно ваша мелодия есть. Не может не быть...

Гость смотрит на продавца, по взгляду видно – не верит.

– Мириады мелодий. Мириады, – продавец посмеивается, – пока все не переберете, не приходите даже.

Покупатель расплачивается, смотрит, как продавец высасывает из запястья гостя сколько положено крови.

Покупатель уходит, в открытую дверь просачивается ветер, задувает лампаду.

Дождь стучится в стеклянную дверь. продавец открывает дверь и выпускает дождь погреться.

Пора собираться на юг. Уже наступила осень, такая, настоящая осень, когда листья умирают, и остается вверху только небо, большое, пустое, неприятное. Завтра соберет продавец свои пожитки, расправит крылья, полетит на юг.

Звякает колокольчик, неужели и ветер просится погреться...

Нет. Не ветер. Покупатель заходит, оглядывается. Торговец боится спросить, не верит себе, неужели...

Гость кладет на прилавок небесные сферы, слабо звенят натянутые космические струны.

- Знаете... нет моей мелодии.
- Вы перебрали...
- ...все. Здесь нет моей мело...
- Вы уверены?
- Уверен. Здесь её нет.

Продавец оглядывает прилавки, будто ждет, что с них прыгнет еще что-нибудь, звучащее, что можно предложить...

Ничего не происходит.

Продавец смотрит на покупателя, на вид ему лет сорок, не больше, хотя кто его знает.

- А когда вы мелодию свою потеряли?
- Да я её и... не находил.
- Что?
- Не находил.
- Да вы что... всю жизнь без мелодии, что ли?
- Ну... – покупатель разводит руками, как будто извиняется, что жил без мелодии.
- Ничего себе... первый раз такое вижу.

Ветер дергает дверь, звонит в колокольчик. Продавец выпускает в комнату ветер, ветер покупает россыпь звезд, улетает.

- Что же... – покупатель разводит руками, направляется к двери, мол, и на том спасибо...
- Нет-нет, постойте, – торговец подхватывает гостя под локоть, ведет к арфе, на которой играл еще Орфей, – если вы не можете найти мелодию... значит, её еще нет.
- И... что же?
- Значит... придется её создать... с чистого листа...

Торговец перебирает в маленькой коробочке ноты, выкладывает их на чистый лист, ноты кувьркаются, кусают друг друга, разбегаются, продавец прихлопывает их ладонью, чтобы не разбежались.

– Будем мелодию вашу делать...

Ветер бьется в окна. Продавец думает про себя, черта с два он улетит завтра в теплые страны, как бы вообще в этом северном городке зимовать не пришлось. Интересно, как это, зимовать, никто из его родичей не зимовал, все на юг улетали, еще в тех незапамятных времен, когда его дикие предки вили гнезда...

2014 г.

А здесь тоже можно жить

А здесь тоже можно жить.

Оказывается – можно.

Поначалу думал – не выживу, да где это видано, чтобы здесь выживали. Кто сюда попал, тот, считайте, уже все... Да и вообще не знали, что есть какое-то сюда...

Оказалось – есть.

И оказалось – можно жить.

Нет, жизнью это, конечно, не назовешь. Так. Выживание. Борьба за жизнь. За самого себя. Вернее за то, что когда-то было тобой.

Но ничего, не смертельно.

Есть, например, каменные кубы. В них можно укрыться, если с неба что-то падает. И если воздух застывает, тоже можно укрыться. И переждать.

Есть каменные кубы, в которых прячется энергия. Конечно, не в чистом виде. Конечно, ЭТО еще доводить и доводить до ума, чтобы была энергия. Ну ничего, и довести можно.

Один такой куб рядом с кубом, в котором я прячусь. Надо укрыться оболочкой, выйти из своего куба, и не со стороны, ближайшей к другому кубу, а с противоположной. Обойти куб, и зигзагами-зигзагами добраться до куба с энергией. Только надо осторожнее идти через мертвую полосу. Твари, которые здесь живут, как-то угадывают, когда можно идти через мертвую полосу, угадывают по длине световой волны. Я так не могу.

Твари...

Здесь тоже есть жизнь.

Оказывается.

В жизни бы не подумал. Да и в один голос все говорили, не может тут ничего жить, что смеяться-то, условия не те.

Только плевать хотела жизнь на наши условия.

И твари тоже смирные. Когда сюда попал, думал, растерзают в клочки, охнуть не успею. А ничего. Обошлось. Смирные. Нет, бывает, конечно, сцепятся друг с другом, и начинаются всякие такие ужасы, про которые умнейшие наши умы говорили – так быть не может. Только все эти ужасы где-то там, там, не у нас.

И то хорошо.

Так что жить можно. Пока движение воздуха не замирает, а если сильно замрет, то конечно, уже и не знаешь, куда деваться. В такое время лучше сидеть в каменном кубе. Не высываться. Вызвать тварь, чтобы принесла энергию. Энергию, расфасованную в материю.

Как-то друг друга они вызывают. Связь какая-то у них хитрая...

Иногда ишу своих. Так. Просто. Хожу среди чудищ, сам замаскированный под чудище, заглядываю в жуткие глаза, не мелькнет ли что наше, родное. Не мелькает. Да и откуда взяться нашему, родному, можно подумать, кто-то остался после беды...

Никого не осталось.

На ночь молюсь Инакому, точно знаю, он меня уже не слышит.

Его уже нет.

А вот Душа еще есть. Я знаю. Он живет, пока я живу.

А твари ничего оказались, смирные. Иногда пытаюсь с ними заговорить про дальние миры там, там, там. Кивают, соглашаются, да, может, есть что-то такое... а вот, умные головы говорили... а я слышал... и снова о своем говорят, где достать энергию, и в чистом виде, и в нечистом виде, и во всяком.

Так что ничего твари оказались. Жить можно. Только не нравится, когда они начинают ловить воздух. Это когда я выхожу к тварям и оживляю душу, чтобы она жила. Собираются

твари. Стадом. Мой, который меня оберегает, выходит, говорит как всегда, что выступает лауреат множества премий, все такое.

Выхожу. Твари начинают ловить лапами воздух, будто боятся, что в каменном кубе на всех не хватит. Хватают, хватают ладонями, а воздух от них ускользает.

Наловятся воздуха, притихнут.

Стою на помосте перед тварями. Дергаю струны. Не космические, до космических им далеко. Но все-таки. Сливаюсь, сживаюсь со струнами, пускаю в них корни.

Просыпается Душа, дрожит в воздухе. Живет. Твари слушают, как она живет. Как жила когда жили мы, как жила когда еще нас самих не было.

Потом Душа засыпает. Твари снова ловят воздух, застоявшийся, выдохшийся, боятся, что на всех не хватит. Вот это я в них не люблю, тут Я Душу им показываю, а они за воздух дерутся, мне-мне-мне...

Все боюсь, что они начнут ловить воздух, пока не спит Душа. И спугнут Душу.

Но пока не спугивали.

Так что жить можно... А что дрянь какая-то с неба падает, так это не страшно. Когда на меня первый раз дрянь эта с неба посыпалась, я вообще думал умру, а ничего... жить можно...

2014 г.

Цап-Цап

– А Цап где?

Мак смотрит на отца с матерью, на непривычно отрешенные их лица, ну хоть бы наорали, что пуговица не застегнута, или сумка в грязи, или еще что.

А тут ничего.

Сидят, видео смотрят.

– А Цап где? – кричит Мак, уже громче.

– Мак, да ты хоть разденься, что ли... ты смотри, мы тебе стерео купили, там...

Мак кричит, во все горло, не слышат, не слышат:

– А где Цап? Цап?

– А... убежал куда-то, не видели...

Мак бросается на ковер, молотит кулаками в пол, родители охают, ахают, да что ты, ты как себя ведешь, это что за выходки такие...

– Отдали... отдали... отда-а-али-и-и-и!

Так и есть, отдали, отдали, в зоопарк, родители, гадкие, гадкие, гадкие, отдали Цапа, отдали, в зоопарк отдали, а то и вообще на улицу выкинули, как-то теперь Цап без Мака...

Мак распахивает дверь, выбегает в темноту улицы, родители всполошились, Мак, Мак, ты куда, куда-куда, на Кудыкину гору... тут надо сбежать из дома, обязательно сбежать из дома, все герои во всех книжках так делают, когда их родители предают, они сбегают из дома...

– Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Ночь не отвечает.

12.03.2056.

Жив.

Вот это главное, жив, остальное уже все неважно. Даже страшно как все неважно, и что «Центавра» больше нет, и что никого больше нет, и это не имеет значения...

Главное – я живой...

Смотрят с чужого неба две луны, вспоминаю давнюю присказку, если на небе две луны, пить уже достаточно.

Выпью еще чуток, будут четыре луны.

Благо, спирт еще есть...

– Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Бежит Мак в темноту ночи, кричит – до хрипоты, до отчаяния, зовет, ищет...

– Цап! Цап!

Цап, он же такой, он же... особенный. Он же здесь, на улице, не проживет, на улице ему холодно, на улице ему плохо, Мак не знает, почему, но чувствует – плохо.

– Цап! Цап!

Потому что Цап... потому что он особенный. Он не из нашего мира. Это Мак сразу так родителям сказал, он откуда-то... ниоткуда. Родители как всегда слушают и делают вид, что верят, а на самом деле они Маку ни капельки не верят...

Прохожие смотрят на Мака удивленно, да куда это маленький такой побежал. Кто-то уже в полицию сигналил, беспорядок. А Мак бежит, спрашивает, а не видели Цапа, ну он такой... ну, такой... Мак и картинку показывает, на которой Цапа нарисовал, прохожие руками разводят, что ты, маленький, таких зверей не бывает...

Еще как бывают...

– Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Нет Цапа.
Не отдает ночь Цапа.

13.03.2056 г.

Страшно.

Раньше и не знал, как это – страшно. Раньше думал, страшно – это когда «Центавр» горит, и забиваешься в капсулу, и падаешь с небес на землю, свободное падение, давление с ума сходит, кровь из носу...

Раньше думал, что это страшно.

Теперь знаю, страшно – это они. Твари, будто вышедшие из ночных кошмаров, тех самых, когда за дверь прячется что-то темное, страшное, и дверь медленно-медленно открывается, и надо бежать, и не можешь, ноги приросли к полу...

Вот это я сразу почувствовал. Как от одного из взгляда ноги прирастают к полу. Буквально.

– Это еще что?

Родители смотрят на жуткую тварь в комнате, это что, это откуда, это зачем...

– Сколько раз тебе говорила, чтобы в дом дрянью всякую не тащил! Гони немедленно!

– А пусть он у нас останется!

Родители в шоке, ну сейчас начнется, а-а-а, мы для тебя столько сдее-е-елали, а ты-ы-ы, а ничего они не сделали, в школу запихнули, Мак об этом не просил, и свитеров кусачих понапокупали, думают, подвиг совершили, Мак об этом тоже не просил...

– Пусть оста-а-а-нестя-а-а-а-а!

14.03.2056 г.

Поймали.

Этого и следовало ожидать, что рано или поздно поймают. Надеяться не знаю, на что, прятался, выжидал, замерзал на чужой земле.

Попался.

Как кур во щи. Нет, вру, правильно говорить – как кур в ощиц.

Сцапали. Желваками, щупами, клешнями, скрутили, и не мог убежать, когда медленно просачивались в убежище, когда стоял, ноги приросли к полу, не мог сдвинуться с места, не мог убежать, когда эта тварь тащила меня в свое логово...

Вот это было страшно. Когда обступили твари, шелкали клешнями, до сих пор помню на лице их мерзкие усы. Чем-то похожи на тараканов, только тараканы здесь и рядом не валялись, это во сто крат омерзительнее...

Будь я проклят, что не успел дотянуться до колыта, прежде чем эта тварь посмотрела на меня, парализовала...

Выбраться отсюда. Любой ценой...

Выбраться... легко сказать...

– Пусть оста-а-а-нестя-а-а-а-а!

Мак знает, если ничего не помогает, надо зареветь. Вот так. В голос. Громко-громко. Родители вообще Мака не замечают, пока не заревет, и по магазинам таскают, меряют всякое, стой, не двигайся, пока не заревет, и по телефону болтают, пока Мак не заревет, ой, заболталась я что-то...

– Ну как останется, ну ты что, это что такое за нечисть вообще?

– Это не не-е-ечисть... это... это Цап!

Цап. Потому что лапками все хватает, цап-цап...

– Никаких Цапов. И речи быть не может.

- Ну па-а, ну МА-а-а, ну я на пятерки ко-он-чу...
- На пятерки он кончит, хоть бы двойки исправил свои...
- И ис... ис... прав... лю...
- Нет, об этом и речи...
- Ну па-аа-аааа!

15.03.2056 г.

Сбежал.

Легко сказать, сбежал, как будто от них можно сбежать. От них... от кого от них...

Судя по всему животные достаточно развитые, живут стаями. Они даже не заметили, что я сбежал. Даже странно, что не заметили, если они так обращаются с добычей, как они вообще еще не вымерли с голоду. Не понимаю, почему меня не умертвили, я не видел в их логовищах живую добычу...

Главное, добраться до убежища, где оставил кольт, если он еще там, если...

– А Цап где?

Мак смотрит на отца с матерью, на непривычно отрешенные их лица, ну хоть бы наорали, что пуговица не застегнута, или сумка в грязи, или еще что.

А тут ничего.

Сидят, видео смотрят.

– А Цап где? – кричит Мак, уже громче.

Мак, да ты хоть разденься, что ли... ты смотри, мы тебе стерео купили, там...

– Найду! Все равно найду!

Мак бежит в темноту ночи, так надо, когда родители предают, бежать в темноту ночи, сбежать из дома, на какой-нибудь корабль, пережить тысячу приключений, стать великим, спасти мир, а потом встретить своего друга, обязательно, встретить...

15.03.2056 г.

(позже)

Добрался до убежища, ничего не тронут, оружие на месте, все при всем. Звери сюда не добрались, ну еще бы, для зверей тут ничего интересного.

Твари ползают где-то там, снаружи. Знаю, проберутся сюда, знаю, будут бесшумно открывать дверь, вот так, как в страшных снах, проберутся, пригвоздят ноги к полу...

Главное, стрелять сразу, не ждать, пока посмотрят в глаза...

– Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Мак бежит в темноту ночи, зовет Цапа, быть не может, чтобы Цап ушел насовсем, потому что... ну... просто потому, что так не бывает. В книжках так никогда не бывает, в книжках, если злые родители прогонят Друга, потом Друг обязательно найдется, потому что... ну... просто, потому что не может быть иначе.

– Цап! Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Маку кажется, что он слышит голос Цапа. Может, просто кажется. Мало ли что померщится в темноте ночи. Ночь, она вообще обманчивая, ночь, заманит голосами, одурманит, окружит, заведет, куда Макар телят не гонял,

– Цап!

Мак бежит туда, где нашел Цапа, надеется непонятно на что, а вдруг Цап там, вдруг он ждет Мака, вдруг жизнь в кои-то веки даст второй шанс... И никакие родители, все четыре, мама, папа, мапа, пама, Мака не догонят, не заберут... Цап боится, ну ничего, Мак посмотрит Цапу в глаза, и Цап не будет бояться, Мак все объяснит глазами. Родители говорят, это неприлично, глазами объяснять, а Мак-то знает, лучше глазами, словами все не скажешь...

Какая-то тварь околачивается поблизости. Вот это страшнее всего, гаже всего, лучше бы накинулась, лучше бы получила пулю, а то вот так, сидишь, ждешь непонятно чего.

Мак бежит в темноту ночи, пока не нашли, не поймали, не отвели домой, не выпороли, гадкие родители, которые ничего не понимают...

Тварь приближается. И снова как в кошмарном сне, мгновения растягиваются на вечность...

Мак пробирается в нору, где нашел Цапа...

– Цап! Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Тварь лезет сюда...

– Цап! Цап! Цап! Цап-Цап-Цап-Цап-Цап!

Спускаю крючок, главное, спустить крючок прежде, чем он посмотрит мне в глаза...

2014 г.

Ай да Пушкин...

– Блин, ты сумку-то не бросай, кто понесет, Пушкин, что ли?

Кирюха вздрагивает. Смотрит на Семку, как у того вообще язык повернулся...

– Ты про Пушкина-то не ори, идиотище!

– Сам идиотище, чего про него орёшь?

Сцепляются. Так и хочется навешать друг другу пенделей, да покрепче. Только некогда ничего навешивать, выбираться отсюда надо из этого дурдома, легко сказать, выбираться, знать бы еще, как...

Кирюха осторожно спускается по лестнице, скрипят ступеньки, поскуливают, постанывают, подпрыгивают, тпру, стоять, ком-му сказал... лестница дергается и выгибает спину, хочет сбросить парней...

– Кирь, айда обратно...

– Куда обратно? Упырям в глотку?

– Да лестница обломится, мало, блин, не покажется.

– С чего она обломится? Гамбургеров жрать надо было меньше, вот и не обломится.

– Да что гамбургеры, это сумки все, математика эта долбанная, физика, литра...

– Брось ее на хрен...

– Чтобы мне потом в школе бошку оторвали и к доске прибили?

– Тихо ты уже, уродище...

– А дверь кто закрывать будет, Пушкин, что ли?

– А хоть бы и Пушкин.

Все посмеиваются. Вполголоса. Пушкин скалит белые зубы, закрывает дверь, осенний сквознячок остается там, на улице.

– Где они? – спрашивает Гоголь.

– Там где-то, наверху, я слышал, лестница скрипела, – Байрон прислушивается, хмурится, – точно, вон поскрипывает.

– Это духи, – говорит Гоголь.

– Сами вы дух, Николай Васильевич. Везде-то вам мерещатся... свиные рыла вместо лиц...

Байрон снова прислушивается, Пушкин сверлит темноту ночи блестящими глазами, Стокер облизывает острые клыки.

– Давайте-ка разделимся, мы у главного входа встанем, а русские вон, у черного... – шепчет Байрон, – а двое к окну, из него тоже выскочить можно... Ну вот вы, например, синьор Борхес...

– Я слеп, я их не увижу.

– Ну так мы вам в пару Хайяма поставим. Он-то углядит... Показывать можно только зрячим, петь песню – только тем, кто услышит...

– А чего это русские к черному ходу, а вы к парадному? – вспыхивает Пушкин, – это за какие такие грехи?

Байрон смеется.

– Ну, идите вы к парадному, какая разница... чш, мальчишек не спугните, главное...

Четыре тени замирают у парадного входа, ждут, слушают тишину. Из левой глазницы Гоголя спускается на паутинке паучок, перебирает лапками, цепляется за истлевший воротник. Пушкин приглаживает остатки волос на черепе, Достоевский перебирает костяшками пальцев, бормочет что-то, бобок, бобок, бобок, Толстой поправляет на голом черепе клочки кожи.

– Не уйдут, – говорит Пушкин.

– И все-таки неправильно это, – Достоевский смотрит на лестницу пустыми глазницами, – ладно бы взрослого человека... но детей... если слеза хоть одного ребенка прольется...

– Не прольется. Ребенки сейчас те еще пошли, их черта с два чем напугаешь...

– Это ты все...

– Чего-о? – Семка смотрит на Кирюху, почти не видит его в темноте.

– Ты все, идиотина... твоя затея была сюда припереться... спасибо еще на кладбище не поволок, с тебя станется...

– Да какое кладбище, тут такое кладбище, что мало не покажется...

– Тихо ты!

– Сам тихо, дубинушка!

Семка так бы и пришиб Кирюху тяжелой сумкой, это Кирюха все, идиотище. Выдумал тоже, потащился хрен знает куда, ладно, самому жить надоело, и Семку туда же. Да нет, если по правде, Семка сам сюда поперся, бабке назло, ах, не ходи на стройку, ах, нельзя... так и всю жизнь просидеть можно к бабкиной юбке пристегнутым... а заброшенный дом, пока не снесли, посмотреть надо, там, говорят, Ванька Мура заначку держит...

Вот тебе и заначка, блин...

Кто ж знал, что тут такое...

Кирюха замирает на полпути.

– Чего встал, о чем задумался?

– Тихо ты...

– А чего такое?

– Они...

Семка выглядывает из-за Кирюхиного плеча, видит, мать моя женщина, точно, они, там, внизу. Тусклое фосфоресцирующее сияние, чуть видимые тени возле дверей.

– Окружили, гады...

Темная тень движется в сторону лестницы, мальчишки сами не понимают, как оказываются наверху, на остатках третьего этажа...

– Блиин, я чуть в штаны не наложил... – шепчет Семка.

– Сумки где?

Семка неопределенно машет рукой.

– Ты чучело на палочке, у меня там ключи были, меня мамка убьет!

– Да нас раньше мамки твоей тут убьют... хрен тебя мамка увидит...

– Молчи уже...

Кирюха смотрит в темноту ночи. Сейчас бы прыгнуть из окна, да черта с два с третьего этажа прыгнешь, внизу арматуры до хренища и больше. Побежать бы по стенам, как Человек-Паук, или полететь бы отсюда, как Бэтмен, он еще в прошлой серии... Нда-а, у героев в фильмах это как-то получается, он ему ка-ак даст ногой по башке, а тот ка-ак полетит, а тот по нему ка-ак из автомата...

Да, в жизни так как-то не бывает... да по мертвякам хоть из автомата, хоть из чего, их черта с два чем возьмешь... Кирюха где-то слышал, серебряную пулю надо, только где ее блин, взять... мороженое такое есть, серебряная пуля... это про которое мамка все говорит, денег нет, денег нет...

Скрипит лестница под истлевшими телами. Может, не найдут, может, уберутся... тут, главное, продержаться до рассвета, до первых петухов, это Кирюха тоже где-то слышал. И все. А черта с два тут продержишься, у них вон клычищи какие, горло прокусит, мало не покажется...

Правда, есть еще одна маленькая надежда, даже не надежда – надеждишка, может, прокатит...

- Это... Сем, мы чё курили?
- Да говорю тебе, сигаретки у отца стырил...
- А чего за сигаретки-то?
- Обычные, Сент Джордж.
- А батя твой никакую дурь туда не сыплет?
- С какого хрена? У меня чё, батя, нарик по-твоему, что ли?
- Блин, жалко.
- Ты чё?

– Да жалко, блин, была бы дурь, так это, может, глюки... – Кирюха смотрит в темноту заброшенного дома, где по лестнице понимается тусклое мерцание. Да, такие глюки, что дальше некуда...

Идут... идут, проклятые, светятся, гремят костями, облизывают длиннющие клыки... Хочется заорать, позвать на помощь, только черта с два тут кто-то на помощь придет, или захныкать, как маленький, ма-ма, я домой хочу-уу... Только сегодня шапку надевать не хотел, орал, что большой уже, вот тебе и большой...

- Здесь, – шепчет Байрон, – давайте, окружайте их потихонечку...
- А ты чего раскомандовался-то? – фыркает Пушкин, – тебя кто командиром назначил?
- А что, есть другие предложения?

Мертвецы осторожно пробираются в глубину этажа, принимают, чуют солоноватый запах живого мяса, живой горячей крови...

Гоголь облизывает клыки. Сегодня повезет, сегодня просто должно повезти, не может быть иначе. А то так и умереть недолго, очень долго не получали свою дозу жизни...

- Слишком долго.
- Здесь.

Тусклое мерцание выхватывает из темноты два силуэта, мальчишки мечутся по комнате, рыжий пацаненок хочет выпрыгнуть в окно, куда ты, куда...

- Чё, блин, расселся, подыхать будем или как? – Семка толкает Кирюху, да что с ним, сидит, оцепенелый...
- Бо... бо-юсь...
- Ты чё, а?

Кирюха не отвечает, всхлипывает, да что это с ним, вот, блин, разревелся, маменькин сыночек... Семка чувствует, как у самого на глаза наворачиваются слезы, ну-у, ты только еще зареви, вот Человек-Паук, тот никогда не ревел, он ка-ак дал ему вчера в фильме...

Семка неуклюже размахивается, что есть силы бьет в ребра, кое-как прикрытые остатками сюртука. Толстой подхватывает Семку за шиворот...

- Ну, ну, малец, расшалился, пошалил и хватит...
- И ты, малой, не реви, что в самом деле... Кружимся, рыскаем и поздней уж порой, Двух зайцев протравив, являемся домой... – Пушкин подхватывает Кирюху, – пойдем, пойдем... пора, мой друг, пора...

Мальчишек волокут к широкому столу, на котором раскрыты книги, Семка лихорадочно ищет глазами нож, чем они нас резать будут, нет ничего вроде...

- Ну-с, молодые люди... чего изволите? Выбирайте...

Кирюха наугад тычет в первую попавшуюся книгу. Просто так. Как это говорят, если на вас напал маньяк, делайте все, что он прикажет, а то он вас зарежет...

- Вот.
- Малец не промах, знает, что выбирать, – Гоголь хитро прищуривается.
- Остальные смотрят на Гоголя с легкой завистью.
- Читай, малец.

Кирюха от волнения не может разобрать ни строчки в неверном сиянии свечей. Наконец, лезет в портфель, вытаскивает сотовый, блин, звякнуть бы сейчас в милицию, только номера не знает...

Подсвечивает телефоном...

– Вдруг... среди ти-ши-ны... с треском лопнула же-лез-ная крышка гроба и поднялся мертвец. Еще страш.. нее был он, чем в пер-вый раз. Зубы его страшно уда-ря-лись ряд о ряд, в су-до-ро-гах за... за-дер-га-лись его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла око... окошек.

Гоголь оживает, истлевший череп затягивается плотью, в пустых глазницах блестят живые, с хитринкой, глаза, темнеют волосы...

– Чья очередь там дальше?

– Да мы вроде очередей не занимали, парни сами выберут, чего читать...

– То-то же... а то так и совсем истлеть можно...

– Да никто это сейчас не читает...

– А ты как хотел? Можно подумать, сам по молодости сильно читал, что в школе давали...

– Тоже верно... читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...

2013 г.

Булкеровская премия

– Почему мы не можем объявить о нашей свадьбе уже сейчас? – спросила Сдобная Булочка.

Ее возлюбленный молчал. Она знала это молчание, особенное, ни с чем не сравнимое, когда он хотел ответить, но не мог. Его молчание хранило какую-то жгучую тайну, в которой он как будто боялся признаться даже самому себе...

– Ну, понимаешь... мы еще недостаточно знаем друг друга...

– По-твоему два дня знакомства – это недостаточно знаем друг друга?

Сдобная Булочка возмутилась, с нее даже осыпалось чуть-чуть шоколадной глазури.

Ее возлюбленный по-прежнему не говорил ни слова, смотрел в туманную даль кондитерской, на дальние горизонты витрин. Сдобная Булочка первый раз отметила про себя, что ее любимый не похож на булочки, пончики и ватрушки. Чем-то он напоминал пряничного человека, но очень и очень отдаленно...

– Ты что... не любишь меня?

Сдобная Булочка даже всплакнула, из ее изюмных глазок выкатилась сиропная слезинка.

– Видишь ли... я должен раскрыть тебе тайну своего происхождения...

Изюмное сердечко Сдобной Булочки затрепетало часто-часто. Наконец-то она узнает, кто ее любимый, – шоколадный рожок, пломбир или пирог с вишневой начинкой...

– Я...

Он назвал себя.

– Это, конечно, шутка? – спросила Сдобная Булочка.

– К сожалению, нет.

Сдобной Булочке показалось, что сейчас она упадет в обморок. Как она раньше не замечала этого, и правда говорят, любовь слепа...

– Ты... ты...

– Да, по всем правилам нашего рода я должен умертвить тебя... но сердце мое воспылало неземным обожанием к тебе, и я не знаю, что мне делать с этой любовью...

– ...и с вами снова я, Пирожинка Картошка. Сегодня в нашей студии почетный гость, продавец хлебобулочных изделий Андрей Катаевский. Мы попросили его прокомментировать нашумевший бестселлер «Любовь в шоколадной глазури». Напомним, книга получила Булкеровскую премию и номинирована на Пряничную премию в номинации Лучший Любовный Роман.

– Дорогой Андрей, что вы можете сказать про книгу, над которой пролили слезы не одна сотня читательниц по всем кондитерским?

– Ну как вам сказать... я почитал... я так не любитель любовных всяких... а моей жене понравилось... до слез... смеялась...

– А вы могли бы поступить, как герой книги?

– Ну... как вам сказать... Я булочки люблю... сдобные... бывает, сам себе прикуплю вечером... жена ворчит, чего ты мне принес... А я чайк заварю, ужинать сядем, и... из-звните...

– Ты представляешь, он мне объяснился! – Ватрушка бросилась к Сдобной Булочке.

– Кто же? Да кто?

– Пирожок! Мы будем вместе! Завтра наша свадьба!

– П-поздравляю...

На глаза Сдобной Булочки навернулись сиропные слезы.

– А ты когда?

– А-а... скоро...

– А что такое? – Ватрушка не отставала, – ты думаешь... он недостаточно в тебя влюблен? Сдобная Булочка не знала, что ответить, ее сердечко до сих пор не могло поверить, что ее возлюбленным оказался злейший враг ее рода, чудовище под названием...

– Дорогой Андрей, у вас есть хоть одна знакомая сдобная булочка?

– Ну как... некогда нам знакомиться... развернул, чай себе налил, и... ой, простите...

...Сдобная Булочка была в ужасе, она все еще не верила, что ее жизнь кончена, что сейчас это чудовище сожрет ее, как пожирало всех до неё... а страшные лапищи уже тянулись к ней, и...

– Уйди от моей Булочки! – грянул голос.

– Ты чего? – злодей обернулся.

– Не смей ее трогать!

Сердечко Булочки затрепетало, она не сомневалась, это был его голос, ее возлюбленного, он был здесь, рядом...

– Уйди!

– Чего ты, Тимка, голодный такой, что ли... ну на, на, подавись... Во народ, чужую булочку хватанул, уже пыль столбом... От тебя не ожидал...

Любимый прижал к себе Сдобную Булочку, единственную любовь всей его жизни. Он чувствовал, что сейчас она избежала страшной смерти, чудовищной участи, он понял, как бесконечно дорога ему была его любимая...

– Вы, конечно, помните эту животрепещущую сцену, когда героине грозила смертельная опасность...

– Ой... боюсь, невнимательно читал... У меня это еще со школы, читаю, ничего не понимаю... потом спросят меня про Пугачева, я спрашиваю, муж Пугачевой, что ли...

– Ну... когда Антон хотел съесть Булочку, но Тимка ее спас... у вас бывало такое?

– Да... как-то из-за булочек не деремся... ну в детстве бывало с братом поцапаемся, мать завопит, не могу больше с вами... отец подойдет, а ну-ка, кто отгадает загадку, тому булочку... зимой и летом одним цветом... И так обидно, я же знал, что ёлка, а ляпнул – заяц... Ну как-то вот вырвалось...

– И что было дальше с той булочкой?

– Ну... как вам сказать...

– Неужели это правда? – спросила Сдобная Булочка, она все еще не верила своему счастью.

– Да... достаточно одного поцелуя, и ты станешь бессмертной, как мы...

Их губы слились в страстном поцелуе, самом совершенном за всю историю поцелуев, и...

– ...ну, это фигня полная.

– Хотите сказать, булочка никогда не получит срок жизни человека?

– Ясное дело... ну одна лежала у нас как-то год... почерствела вся, потом в порошок рассыпалась...

– Может... выпьете кофе?

– Ага, не откажусь. С утра маковой росинки... ага, мне кофе пожалуйста с бу... м-м-м-м... с сыром там или с мяском...

...Марианна открыла окно, она знала, что сегодня Ангел Смерти снова посетит ее, осторожно опустится на подоконник. Марианна все еще не могла поверить себе, что злейший враг рода человеческого воспылал к ней нечеловеческой любовью. Полная луна освещала бледное лицо девушки, звезды отражались в слезинках...

– Мы попросили прокомментировать...

2013 г.

В Каракарельских горах

Четверо обходят справа и слева, еще двадцать гонятся сзади.

Ускоряюсь, как могу, врешь, не возьмешь. А ведь возьмут, подстрелят, как пить дать, подстрелят, там опытные охотники, там матерые псы, там быстрые кони, и ружья что надо, и вообще...

Спешу – во весь дух через лес, ап – через овраги, через коряги, в чащу, через ручей, в жизни бы не думал, что его перепрыгну, а вот пришлось.

Большие люди с большими деньгами едут поохотиться.

Забава такая, называется охота на дракона.

Лес расступается, нехотя, хлещет меня по лицу колючими ветками, жалит чертополохом, хватает за волосы, кидает вслед пригоршни репьев.

– Ату его, ату!

– Обходи-обходи-обходи!

А драконов осталось хрен да маленько, да и вообще не осталось, по официальным данным – нуль особей на начало года. По неофициальным – и того меньше.

– Ату-ату-ату!

Поет-заливается охотничий рожок.

Спешу в темную чащу, молюсь, как в старину, как тысячи лет назад – укрой меня, пресвятая мать-земля...

А охота на драконов запрещена.

– Ну что... – толстомясый дядька смотрит на меня поверх щек, – учитеесь?

– Ч-чему?

– Студент, в смысле?

– Не-а.

– А лет сколько?

– Тридцать.

– Это мы в тридцать лет на работу нормальную устроиться не можем?

Чуть не фыркаю, а тебе-то что за дело.

– Ох, молодежь... я в твои годы уже у принца служил. Знаем мы современных этих, учиться не хотим, работать не хотим, подавай нам сразу молочные реки, кисельные берега...

– Да пошел ты... – встаю сам, иду к выходу, дверь не открывается.

– Чш, чш, уж больно ты грозен, как я погляжу. Люблю смелых. Ты бы мне еще в морду дал... Ла-адно, парень, ты скажи, на лошади-то держаться умеем?

– Умеем.

– А ездить?

Из конного клуба не вылезая.

Теперь понятно, почему работу нормальную найти не можем... ну-ну... ты смотри, а если через лес, по бездорожью, во весь опор...

Бывало.

Молодчина. Ой, молодец, люблю таких, а то иного хлыща денщик на лошадь посадит, он сфоткается, вот, типа, крутой наездник... Ну вот... – толстомясый открывает шкаф, кидает мне что-то на колени, – видал?

Смотрю. Не верю себе. Такую вещь не то, что в руках держать, на неё дышать страшно...

– Ату-ату-ату!

Скачу во весь опор, через лес, в чашу, в вечерний туман, будь я проклят, если от них не уйду. Спасать свою шкуру, шкуру дракона, может, последнего на земле...

Гудит-заливается рожок охотника.

Расступается лес, укрывает меня от ловчих...

Требуются ростовые куклы.

Представляю себе какую-нибудь хрень в костюме Злой Птицы или Губки Боба, ходит по парку, развлекает ребятишек, хотя современных ребятишек уже ничем не развлечешь.

Набираю номер.

– Секретариат принца слушает.

Холодеет спина, нет, похоже, ошибся...

– Из-звините... не туда попал.

– Ничего, бывает.

Снова набираю номер, хорош буду, если ошибусь, правильно мать говорила, три цифры набрать не можешь...

– Секретариат принца слушает.

Это что, прикол такой, что ли...

– Э-э... я по объявлению. Вам тут... ростовые куклы...

– А-а, нужны, нужны, вы давайте подходите часикам к десяти в администрацию... скажите, по объявлению, пустят вас...

Звенит рожок охотника.

Несется по лесу от преследователей последний дракон...

– Ну... видали?

Никогда в руках не держал.

Смотрю на шкуру дракона, м-мать моя женщина, настоящая...

– Ну что, мил человек... прикол такой знаете, на драконов охотиться?

Вздрагиваю.

– Запрещено же.

– Пра-ально говорите, запрещено. Только тут другой прикол, всадник себе на спину шкуру цепляет, и в лес. И охотников по следу пускают...

Что-то вспоминаю:

– А кто шкуру сдернул, тот победил, ага?

– Правильно мыслите, мил человек... о-ох, с такими мозгами, да нормальную работу не найти, я в ваши-то годы...

Делаю вид, что снова хочу пойти к двери. Толстомясый поднимает руки в знак капитуляции.

– Ату-ату-ату!

Несется через лес последний дракон. Я знаю этот лес – как свои три пальца, здесь я родился под корнями старого дуба, здесь я учился летать, здесь я неумело хватал первые звезды с неба, здесь увидел дочь лесоруба, первую свою любовь...

Лай собак.

Охотничий рожок.

Цокот копыт, от которого трясется земля.

Спешу во весь дух, врешь, не возьмешь. Уже и не помню, что мне там нашептывал толстомясый, ты это, сначала приударь как следует, по лесу их погоняй, а потом скорость-то сбавь, чтобы принц подъехал. Какой принц, какое там все, они не возьмут меня, унесусь от них

далеко-далеко в чащу леса, к подножьям высоких гор, где еще остались такие, как я, где примут своего потерянного брата...

– Ату-ату-ату!

Выстрел. Это новенькое что-то, выстрелов мне не обещали, холостыми, что ли... Ну ясное дело, холостыми, еще бы они не холостыми стреляли...

Пуля обжигает ухо, ах, ты ж долбаный ты ж на хрен...

Начинаю понимать. Слишком поздно. Правильно толстомясый сулил золотые горы, реки, полные вина, можно хоть что наобещать, если знаешь, что человек не вернется...

– Ну а кто скажет, чем славятся Каракарельские горы? – экскурсовод хитро прищуривается.

– Драконами...

– А чего неуверенно-то так? Пра-авильно, драконами. В старину считали, что особо удачливым охотникам повезет, и они увидят крылатого змея, а уж если совсем в этот день улыбнулась удача, то можно и подстрелить дракона, и повесить его голову над камином. Вот мы с вами дальше поедем, там будут сувенирные лавки, можете купить себе голову дракона, или его шкуру...

– Настоящую?

– Ну что вы! – гид смеется, – это же легенда, про драконов, что вы в самом деле... это все равно как если бы вы приехали в Румынию и пошли искать вампиров...

Выстрел.

Лошадь падает с перебитой ногой, ага, игра пошла по-крупному. Правильно, надоело им за мной гоняться, вот и подбили...

Бегу в темноту чащи, скорее бы уже стемнело, а то и не темнеет по-настоящему, сумерки все не кончаются. Расправляю крылья, лечу над лесом, сейчас бы подняться как следует, да черта с два поднимешься, тут-то и подстрелят.

Подстрелят.

Как стреляли нас всех, из века в век, с самого сотворения мира. Не убьет парень дракона – не станет мужчиной, не позволят жениться, не убьет принц трех драконов – не позволят взойти на престол. Туристы валили со всех концов света, каждый мечтает отвезти домой шкуру змея, разборчивая невеста посылает жениха, принеси мне голову дракона...

– Ату-ату-ату!

Проклятый окрик, который мы слышали века и века, этот окрик у меня в крови, в памяти предков, еще дикие люди в шкурах гонялись за нашим братом, не зная языка, неумело вопили в темноту ночи – ату-ату-ату...

Люди потому и пережили оледенение, что нашего брата били, потому и... А? какие, на хрен, мамонты, люди нас били, вот и выжили...

– Ату-ату-ату!

Вижу принца, совсем не такого, как на обложках в газетах, вскидывает ружье, целится, врешь, не возьмешь...

Бросаюсь под копыта лошади, аг-га, вот мы на дыбы и встали, принц летит кувырком, сжимает кинжал, вонзает мне в горло...

...щениям официальных источников принц не вернулся с охоты в пятницу тринадцатого июня. В настоящее время поиски продолжаются, всем, кому что-то известно о местонахождении принца...

Обгладываю ребро, принимаюсь за второе ребро.

Надо лететь. К северу. К подножьям гор.
Что-то подсказывает мне, что там еще остался кто-то из наших.
Надо лететь – когда зайдет луна.

2014 г.

В такой снегопад...

Куда они поехали в такой снегопад...

Что за люди, вечно спешат куда-то, все хотят успеть, вот так вот и доспешатся когда-нибудь, полетят кувыркком с моста или с обрыва...

...вот в такой снегопад.

Смотрю в окно, вертятся в голове строки: мчатся тучи, вьются тучи...

Смотрю, как он тормозит перед домом, огромный, четырехколесный, читаю – бенц. Хлопает дверца, выбирается из бенца молодой мужчина, зябко кутается в пиджак.

Выхожу на крыльцо – встретить гостя.

Не люблю, когда люди тревожат. Но такой снегопад...

– Мил человек... – он спешит ко мне, прикрывает лицо от ветра, – что, на порог-то пустишь?

– Отчего же не пустить, входи.

Отступаю – в глубину дома.

– Вот за это спасибо, вот это я понимаю... а то заборов везде понаставили, собак цепных понасажали, хрен куда достучишься...

Киваю, соглашаюсь. Повторяю про себя – мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна...

– Это точно.

Оглядывается.

– Что, хлебнуть-то у тебя чего-нибудь можно?

– Отчего же нельзя...

Разливаю по чашам вино. Свищет за окнами вьюга, стучит в окна, в бешеном хороводе пляшет снег. Ветер терзает дохлые рощицы, замечает, путает дороги...

– Ну. За нас.

– За нас.

Чокаемся. Пьем.

Не удерживаюсь, говорю:

– Куда ж ты в такой снегопад...

Да я утром выехал, еще ничего было, а тут как началось... Блин, предупреждали же синоптики, как всегда не послушал, мы ж самые умные...

– Если предупреждали, слушать надо было...

– Надо было...

– До Москвы-то далеко еще?

– Да верст двести будет.

Кивает. Почему-то вижу, что он меня не понял. Сбросил куртешку – на спинку стула, стряхивает с пиджака мелкий снежок.

Слушаю его и не слышу, снова повторяю про себя, озаряет снег летучий... нет, как-то не так... мчатся тучи...

– Это еще что... тут зимой вообще что было, пробка от Питера до Москвы на несколько суток растянулась... – вспоминает он.

Не понимаю, что он говорит. Киваю. В голове крутится – мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна...

– Так что сейчас-то еще ничего.

– Еще ничего, – соглашаюсь.

– Главное, в Питере все дела наскоро обстряпал, думал до Москвы в два счета вернуться, тут на тебе... сам не понял, как с дороги сбился.

Киваю.

– Бывает.

Знаю. Много их, которые сбиваются с дороги. А что, гонят, гонят неведомо куда, где ж их удержишь...

– Навигатор, главное, сдох... и сотовый...

Не понимаю.

– Жалко, – соглашаюсь.

– Ну, может, оживет еще.

– Может, оживет.

– Меня тут братки еще ищут...

– Может, найдут, – говорю.

– Ты че? Найдут, мне, считай, хана.

Не понимаю. Говорю:

– Ну, может, не найдут.

Он смотрит в окно – где метель чуток поутихла, но продолжает бесчинствовать.

– Ну... спасибо, мил человек. Пойду я...

Спохватываюсь. Пытаюсь удержать.

– Куда же ты... в такой-то снегопад.

– Да ничего... не привыкать. Там, говоришь, Москва?

– Там должна быть.

Набрасывает куртку. Сжимает мою руку. У них кланяться не принято, у них пожимают руки. Выходит. Жужжит что-то внутри бенца, вертятся колеса, гонят бенц – вперед, в метель, в снег.

Куда он в такой снегопад...

Закрываю дверь, зажигаю лампаду, читаю Отче Наш, осеняю стены крестным знаменем – как всегда, когда в дом приходят бесы. Ничего, так-то они смиренные, людей не трогают, только одеты не по-нашему и говорят чудно. Еще вижу, как он несется на своем черном бенце – в снег, в метель, как за ним несутся другие, целятся, не то из ружья, не то не пойми из чего...

Сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют?
Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают?

И сил нет – молчать, окунаю в чернильницу перо, пишу, быстро, бегло, ч-черт, кляксу посадил, хватаю новый листок...

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной тишине
Визгом жалобным и воем
Надрывая...

Куда они в такую метель...

Откуда они – в такую метель...

И едут, торопятся куда-то, по заснеженным дорогам, за холмы, где виднеются за снегопадом силуэты огромных зверей – мохнатых, рослых, – и всполохи костров...

Бывает.

Когда такой снегопад...

2013 г.

Вавилон

Бензин кончился некстати, он всегда некстати кончается. Вроде бы заправлял бак только что, а Ленд Ровер уже выдохся, устал, захрипел, зафыркал. Вот так, еще спасибо, что не посреди пустыни, а на улице какой-то деревушки, больше похожей на мираж. Каменные кубики домов, белые простыни на окнах, темные люди в белых одеждах. Сухой старик на крыльце жевал персик. Я вышел из машины, поискал лица поприветливее. Не нравятся мне азиаты, в них как будто горит неясный огонь.

– Здравствуйте, – я подошел к группе молодых парней, сбившихся у крыльца, как лошади, – у меня машина...

И замолчал, глядя в черное дуло автомата. Оно появилось как из ниоткуда, как жало пчелы. Совсем рядом. И люди, в которых горит огонь.

– Привет и ты, коли не шутишь, – они улыбались, кажется, им было весело, – с чем пришел?

– У меня машина...

– Да, видим, у тебя машина. Хороший внедорожник, мне бы такой, – худой смуглый парень подошел, похлопал капот.

– Оставь, Джамиль, – прохрипел старик на крыльце.

– Да не бойся, не отберу, – Джамиль засмеялся, – Так чего тебе тут, парень?

– Да... ничего, – тут бы самое время прыгнуть в машину и уехать, только уехать не на чем, не ездят машины без топлива, вот в чем пакость. Иначе бы нефтяные королевства не горели под бомбами, как факелы. Мне так кажется.

– У меня... бензин кончился, – взмолился я, – заплачу, сколько скажете.

Нет, деньги доставать рано, их отберут сию же секунду. Спасибо, если оставят жизнь.

– Тю-ю, ехать тебе не на чем, – смуглый, широкий парень потянул меня за собой на крыльцо, – давай, посидим что ли, поговорим. Бензин-то сейчас в копейку, сам знаешь, да и не течет он ручьями. И на деревьях не растет, вишь, беда какая?

– И сколько мне заплатить вам? – не выдержал я.

– Заплатить? – он повернул ко мне круглое, доброе лицо, поигрывая наганом, – тю-ю, что у тебя, баксы? И что с ними делать прикажешь? Стенку обклеить?

Я не ответил. Я не понимал, что они от меня хотят, первый раз видел землю, где люди не брали деньги. Большие, красивые, будто только что напечатанные.

– Ну что расстроился? – Джамиль похлопал меня по спине, – ты смотри, Аваз, как приуныл? Ну не плачь, не плачь, парень, что-нибудь придумаем. Стрелять-то умеешь?

– Людей убивать не буду, – мой язык был быстрее меня, я спохватился поздно. Мог бы сказать, что никогда не стрелял и винтовки в глазах не видел, а теперь...

– Нет, ты слышал, Джамиль, он убивать не будет! – засмеялся Аваз, – ну смотри, парень. А если дать тебе парализующий пистолет, что скажешь? Ампулки там, чик-чик – и человек падает и спит себе. Не запятнаешь душеньку свою безгрешную. Идет?

– Банк, что ли, грабить собираетесь? – догадался я.

– Да нет, тут не банк. Тут другое. Тут заложников освободить надо. Рабский труд, понимаешь?

– А точнее?

– А точнее увидишь на месте. Ну... пойдём что ли?

– Нет, – стало жутко, будто я вышел к краю пропасти, и она лежала передо мной, внезапная, глубокая, а сзади уже всюду напирала скалы, и обратной дороги не было, – может... может, я вам свою машину отдам, а вы меня на чем-нибудь до города довезете? А?

– Слушай, Аваз, я понятно говорю? – Джамиль обиделся, – я, может, как-то неясно выражаюсь, акцент там... Сказано же, не нужна нам его машина. Не-нуж-на. Нам солдаты нужны, стрелять кто-то должен, а бензин за так не отдаем... И на чем поедешь-то? На палочке верхом? А, вот, парень, хочешь, верблюда тебе дадим? Хор-рр-оший верблюд, черный такой, с белой звездочкой... позавчера сдох.

Люди захохотали, им было весело, мне весело не было. Я уже понимал, что в этом городке ничего не добьюсь, и что придется бросить машину и идти пешком. Вот так, ножками-ножками километр за километром, и один бог знает, чем все это кончится. Я еще раз оглядел сидящих и побрел навстречу пустыне. Пустыня кажется приветливой, она всех берет, будто обнимает со всех сторон, ласковая. Ведет и ведет через себя, покорно ложится тебе под ноги. А потом обнимает самумом и самого тебя положит себе на грудь, зацелует песками, ласковая, оставит себе навсегда.

Ласковая...

– Ты чего, а? – кто-то во весь дух бежал за мной следом. Я испугался, но Джамиль был без нагана, просто догонял меня своими длиннющими ногами, сухой, тощий, как саксаул, – ты куда собрался... милый мой дедочек? Через пустыню что ли? Ну-ну, там знаешь сколько косточек валяется? К ним хочешь? А может не надо, а? Мы же на богоугодное дело идем...

– Во имя Аллаха? – усмехнулся я.

– Нет, – Джамиль отвернулся, как будто обиделся, – во имя людей.

– Людей? – что-то потянуло меня туда, назад, – ладно... согласен.

– Вот так-то лучше, – Джамиль взял меня за плечо, повел в улицы, где лежал мелкий, нежный песок, – пойдем, парень, не бойся, машина твоя тут постоит, ничего ей не сделается. Сказано же тебе, не заберем. Своего... хватает.

Оказывается, за кубиками домов покоились Ленд Роверы – не чета моим, какие-то дряхлые старики, которым нехватало только костылей и палки. Меня посадили не в самую плохую машину, и все же я чувствовал себя, как на иголках. Может, мне передавалась тревога моих спутников, Аваза и Джамиля, и маленького водителя. Люди молчали, сидели ровно, неподвижно, смотрели перед собой. Я видел такие взгляды только дважды – на картинах.

Куликовская битва, где два войска смотрят друг на друга, ждут сечи. И Страшный Суд – не помню, где видел. Люди на полотне ждали вселенской мясорубки, когда человек уже не в силах изменить что-то, тебя вовлекает в какой-то бешеный круговорот, и думаешь, как бы не потерять себя.

Машины срывались с места, качались, как корабли на волнах, рулили куда-то на юг. Старичок доел третий персик, встал с крыльца, помахал нам рукой. Тепло улыбнулся – я даже засомневался, точно ли попал к боевикам. Нет, шахид он и в Африке шахид, а в Азии и по-прежнему. Пустыня пронесется мимо нас, эта пустыня помнит еще Моисея. Вот эти песчинки видели, как говорила валаамова ослица, как строили Вавилонскую башню, по этим барханам скитался Каин, проклятый богом и людьми. Бог мой, о чем это я...

– Да ты не бойся, – Джамиль твердо сжал мою руку, – стрелять умеешь, так и будешь стрелять, ни одна пуля тебя не догонит. И все у нас получится, – поигрывает острыми скулами, – а потом зальем тебя бензином по самые уши.

– Что? – я слышал, как людей топили в машинном масле, в жидком навозе, но залить бензином... привилегия азиатов, где бензин течет рекой.

– Ну ты что говоришь, – Аваз обернулся, выставил свою круглую рожу, – сказал бы, дадим бензина, сколько хочешь, а ты... бензином зальем. Свихнуться можно.

– А вы... шахиды?

Наконец, я набрался храбрости. Спросил.

– Ага, а я сам Бен Ладен, – Джамиль игриво пожал мне руку, – очч приятно. Да нет, парень, тут другое... Бен Ладену и не снилось.

Машины качались по пескам, будто пустыня ожила и извивалась, пытаясь сбросить нас с себя.

Мы остановились там, где дорога чуть-чуть успокоилась – как будто повеяло людьми. Джамиль сделал мне знак не высовываться, сам вышел из машины, тут же натолкнулся на кого-то большого и темного. Я видел только его широкий ремень.

– Ну сколько вас ждать? – говорил этот кто-то сердитым басом, – отпуск позавчера кончился, а вы всей компанией только сейчас привалили. Работа-то не стоит, так и до экзосферы никогда не доберемся!

– Извините, – затрещал Джамиль, – сейчас, сейчас начнем. Шина сдулась, нам бы до города доехать, а там будем вкалывать, вы не думайте...

Человек ушел, Аваз и шофер выскочили за ним, Джамиль остался «менять шину». Когда голоса людей стихли, он вытащил меня под локоть, в сторонку, в сторонку, указал вдаль.

– Смотри. Вон она... стоит.

Я поднял голову и увидел.

У ее подножия расстился городок, такие же каменные дома, песчаные улицы, простыни на окнах, внедорожники, смуглые люди, где-то трещит радио. На одном из каменных барачков темнела надпись «Синема», чуть пониже – распечатанная на принтере афиша: «Сегодня – «Дети шпионов». Под вывеской «Кафе»...

Но все это было неважно, что там, у подножия. Потому что важной была она. Башня. Огромная башня, уходящая в небо – я смотрел и не видел ее вершины. Длинной спиралью поднималась она под облака, огромная, как Колизей, тяжелая, – даже смотреть на нее, и то было тяжело. От земли до небес тянулись строительные леса, как будто наружу вылезли ребра огромного чудовища. Издали казалось, что Башня живая, и ее неровная кожа туда-сюда ходуном. Присмотревшись, я увидел, что ходят люди: туда-сюда, множество людей. Стучали молотки, скрябала кирка, выли приотпущенные веревки, кричали люди. С земли на небо поднимался огромный камень, черный монолит. Где-то там, наверху, он найдет свое место.

– Видел, да? – оживился Джамиль, – хошь, достань телефон, щелкни на память. Все-таки история. А скоро, может, совсем историей станет.

– А что это? – я все смотрел под облака, и голова кружилась все больше.

– Ты что, совсем... – Джамиль постучал по лбу, – это ж Вавилонская башня! Библию читал? Читать-то умеешь? Ну, вот как хорошо.

Внезапно он посерьезнел, сползла бесшабашная удаль. Сел на песок, достал папиросу, чиркнул зажигалкой, никак не мог разжечь.

– У вас там думают, Бог смешал языки, и все кончилось, – заговорил он, – но нет, такие вещи не кончаются. Люди рассорились, народы ушли, каждый своим путем. А мы остались... преданные башне до конца. Вавилонцы... вавилоняне. Затерялись в пустыне, и до сих пор тянем наверх эти чертовы камни... Лестница к Богу. И это в двадцать первом веке, когда все знают, что там, наверху, нет никакого Бога...

– Вы думаете?

– Там только звезды и облака, – Джамиль толкнул меня, – видел, да? А Бог, он вот тут... – он задумчиво постучал себя в грудь, – не знаю я...

– А почему вы тогда не бросите башню? – не понял я, – если другие народы давно ушли?

– Да. Кто-то летает в космос, а мы покупаем поганые внедорожники и смотрим пиратские кассеты. Вот ты как, парень... Думаешь, можно просто так взять и уйти? Думаешь, Подвижники позволят нам это?

– Подвижники? Это кто?

– Ну... те, которые верят...

– Они верят в то, что там, наверху...

– Ни во что они не верят! – Джамиль раскурил сигарету, тут же швырнул на песок, затоптал, – они сами уже не знают, что хотят. Маразматики... Авраама живого видели, за руку с ним здоровались...

– Серьезно?

– Нет, конечно. У них уже мозги плесенью покрылись, ни видят ничего, кроме своей башни... И попробуй им скажи, что ты уходишь. Был у нас парень... Мухид. В прошлом году сбежал, так что ты думаешь? Писал мне раз, два, а потом перестал. Я ему телеграмму с почты, а мне – абонент выбыл. Выбыл, понял?

– А что...

Он тихонько провел ребром ладони под ухом.

– Добрались, сволочи. Хуже мафии... Ну пошли, пошли, – он потянул меня к городу, – да капюшоном своим прикройся, вот так, нечего кому-то знать, что я тебя привел. Тут чужих-то не любят, да и я тебе не очень верю. Людей он не убивает! Сам, может, жулье-жульем, и руки в крови.

Я не успел возмутиться. Джамиль повел меня по улицам, узким, тесным, где-то над головами хлопали натянутые тряпки, разодранные мешки, – заслоняли небо. На куче тряпья спал человек, положил под голову спортивную сумку, где-то плакал ребенок, на перекрестке сердито кричали две женщины. Кое-где не видно было неба, но Башня виднелась отовсюду. Как перст указующий, как напоминание, зачем построен весь этот город, зачем живут люди, зачем вертится земля. Везде и всюду расхаживали мужчины с автоматами, кажется, больше всего их было возле башни. Молодые женщины в цветастых...

– Ну, пошли, пошли, женщин никогда не видел, что ли? – Джамиль снова поволок меня по улицам. Я заметил, что мы идем от Башни, сказал Джамилю, он не ответил, все мчался и мчался по улицам. Наконец, мы остановились перед крепостной стеной. Старая крепость, она поднималась невысоко, будто могла бы встать и повыше, но стеснялась перед Башней.

Мы вошли в узенькую дверцу. Я тут же ослеп от темноты, сырой, мрачной, а в глазах все еще плясало солнце. Узкая лестница бросилась под ноги, спиралью, спиралью она ползла наверх, в такие же тесные коридоры. Где-то ослепительно били горячие лучи – кажется, там были окна. Нет, скорее бойницы, кажется, крепость очень старая. Но не старше Башни. Интересно, сколько ей может быть веков? Мне стало жутко: я понял, что вот сейчас будет уничтожен памятник. Великий памятник. Лестница в никуда, память о бессмысленном вечном труде. Китайская стена, Пизанская Башня, пирамида Хеопса, Сфинкс, пирамиды Майя, и вот...

– Ну что? – худая рука Джамиля потянулась из темноты, – исторический памятник, значит, жалеть будем? А люди тут пусть надрываются, камни таскают, в пустыне дохнут да?

– Вы... мысли читаете? Или я уже бредил?

– Да все вы только про это и думаете. Ах, Башня, ах история, ах география, ах памятник. Сколько я уже людей о помощи просил, везде – шиш! – он сложил пальцы. Памятник... этот памятник нам, знаешь, сколько крови попортил?

– Но... мы не повредим башню?

– Да уж постараемся не повредить! – он фыркнул, – ну, иди, прячься вот здесь, под окном, – в темноте забренчали тяжелые винтовки, мне сунули в руку что-то холодное, промасленное, – посмотри на свет. Проверь. Видишь? Дальнобойная, парализующая, с такими на зверей охотятся. Мы тебя не обманули, никого ты сегодня не убьешь.

– И на том спасибо.

– Всегда пожалуйста. А теперь в окошечко посмотри, видишь, какой вид прекрасный? Вон башня, вон высоко люди трудятся, Амаль, бедная, песок месит... Женщин и то не жалеют, сволочи... Вот, они, значит, там вкалывают, а Подвижники внизу, охраняют.

Я пригляделся. Вокруг еще был мир и покой, можно было высунуться из окна и смотреть. Вершина башни терялась в облаках, я видел только, как люди волокли по спиральному подь-

ему вокруг башни тяжелые каменные глыбы. Ровные, как будто отполированные, они ползли и ползли вверх, словно увлекая людей за собой. Так было там, наверху, а чуть ниже расположились белые фигуры, похожие на статуи. Белые одежды, белые капюшоны, черные автоматы, должно быть, раскаленные на солнце – зловещая картина. От такой картины хочется уйти, в армии я не служил, люди с автоматами были для меня знаком: здесь мне не место. Но почему-то мое место было здесь, где автоматы и смуглые люди в белом.

– Слушайте, а мы же не попадем, – я посмотрел в оптический прицел, на точки людей, – тут метров пятьсот, а предел дальности...

– Забудь свои пределы, это ружьишко и на километр попадет, – он не шутил, я видел, что он не шутит, – тут, знаешь, брат, какие ружья есть... потом сам лично мне его сдашь, а то знаю я вас, услышите про километр, и уйдет винтовочка, как не было... Так вот, Подвижников видел? Будешь бить в кольцо Подвижников, пусть полежат, поспят.

– А дальше их...

– А дальше дело суда. Заставим их эту Башню по камушку разобрать, вот что!

Он смеялся. Будто кто-то там, наверху, вправду мог выжить. Будто мое безобидное ружье могло что-то решить в этой мясорубке. Джамиль подмигнул мне, упал под подоконник и выстрелил. В воздух, будто хотел застрелить небо. Это был знак. Город закипел зажженным муравейником. Толпа рассыпалась, кто-то уже стрелял, кто-то падал и не вставал больше, жалко кричали женщины. В этой каше невозможно было понять, кто свой, кто чужой, светлые одежды простолюдинов смешались с белыми плащами Подвижников. Божьи избранники стоят на земле и смотрят в небо...

– Ну! – Джамиль ткнул меня в плечо.

Я очнулся, вспомнил, куда должен стрелять. Белые фигурки на башне не метались, все так же стояли неподвижным кольцом, как неживые. Неживые люди, живыми были только автоматы в их руках, трещали, как дятлы поутру в лесу. Где-то внизу бежал человек и вокруг него взрывался песок. Ружье подпрыгнуло в моих руках, я даже не понял, что выстрелил, только увидел, как белый человек перегнулся через широкие перила Башни и повис. Снова прыгнуло ружье, еще один белый платочек исчез на фоне камней. Кажется, они увидели нас, а может, и не нас, а темноту, которая стреляла в них из крепости. Огонь хлынул в бойницы, стены сзади зашуршали и защелкали. Я догадался, что в них клюются пули, предназначенные мне и Джамилю.

Бежать уже не хотелось – бежать было нужно. Прыгнуть в любую машину, благо, о них никто не вспоминал. Потому что это была не моя война, не я строил Башню, и не я ее разрушал. Они, связанные Башней, хотели умирать, я, человек со стороны, хотел жить. Джамиль обернулся. Ружье еще раз скакнуло, белый человек полетел вниз, будто прыгал в воду. А ведь он тоже больше не встанет, вот тебе и безопасное ружье, грех на душу. Все, хватит. Тихонько отползаю в сторону. На четвереньках, на ноги не встать, война отнимает у человека человеческое, снова опускает на четыре лапы, а то и вовсе вот так, брюхом по земле, как стегоцефал, впервые вылезший на сушу...

– Ты чего, а?

Джамиль заметил, как я отползаю, оставалось только пальнуть в него, парализовать. И бежать, прости меня, Джамиль. Я прицелился и не успел выстрелить. Худой человек странно выгнулся, хрипнул и упал на пол. Я смотрел и не понимал, почему он не встает, почему на виске бойца блестит что-то черное, мутное, будто бы и не похожее на кровь. Нет. Так не бывает. Те, безымянные, безликие, там, снаружи – да, они могут умирать. Но не здесь, не у нас, не Джамиль, ведь я знал его лично.

Как будто это что-то меняет.

Бежать уже не хотелось.

Думать тоже не хотелось, а все думалось, что если бы Джамиль не обернулся, окликая меня, не лежал бы сейчас с простреленной головой. Я осторожно взял винтовку Джамиля, она была тяжелой, холодной, только там, где человек касался ее своими пальцами, жило тепло. Хотелось мстить, но не хотелось убивать, я тихонько выглянул в окно. Было страшно, будто я совал голову в костер, но ни одна пуля не обожгла меня. Тем лучше, пусть думают, что в крепости больше никого нет. Нет, пули снова завизжали – одна, две, пять... Подвижники не отстают – пока будет жива башня, их вера и оплот, святая святых. Один вид этой черной громадины гонит и гонит их вперед, на смерть.

Один вид этой громадины...

Я все еще не стрелял, смотрел на бесконечные ребра строительных лесов. Крепкие, прочные, кажется, они здесь не просто так, кажется, на них-то и держится вся эта мощь. Которая отнимает чьи-то жизни и судьбы.

Теперь я знал, что делать.

Стрелять из винтовки Джамиля было сложнее, промахнулся три раза, на четвертый раз толстая перекладина лесов подпрыгнула. Встряхнулась, как мокрая собака, только брызги не летели. Башня еще не рушилась, но это был только первый шаг.

И это тоже был сигнал. Я как будто указал людям, что нужно делать, выстрелы защелкали по лесам быстрее, чаще, сильнее. Кто-то уже бежал с огнем, поджигая леса, черные фигурки наверху исчезли, как муравьи в обреченном муравейнике. И белые фигуры сбились кольцом. Спасали свое сокровище.

А потом все разбежались. Разом, вдруг, как пылинки, если на них дунуть. Наконец-то люди пришли к какому-то согласию, все ведут себя одинаково, и это приятно. Залюбовавшись, я даже не понял, что происходит. Что-то переменилось в небе, игра света и тени стала другой. Я не понимал, что рушится башня – ноги сами несли меня прочь, по лестнице (какие долгие секунды), в песок, жесткий, тяжелый, боже мой, куда дальше. Что-то черное, громадное взвизывает в воздух, будто небо падает на землю...

Мне показалось, что Башня взорвалась – такой был грохот. Меня подбросило, будто толкнуло на песок, я закрыл лицо и покатился кувырком. Крики, визг, где-то плачет ребенок, бешено лает собака.

Какое пустое стало небо...

– Вставай, – Аваз поднимает меня, как куклу, ставит на песок, – Видал, а? Нет, ты видал? Башня-то... Башня...

Башни не было. Вместо нее от горизонта до горизонта лежали обломки, тяжелые, шоколадно-коричневые, как торт, если уронить его на пол. Люди уже стекались обратно к Башне, разбирали обломки на сувениры, писали на камнях баллончиком свои имена; щелкали телефоны. Памятные снимки. На камне, под камнем, с камнем в обнимку. На фоне надписи РАХЕ. При чем здесь мир...

Где-то трещали винтовки, кто-то расстреливал Подвижников. Белых, пойманных, но не сломленных. Сколько-то их было там, под камнями, я не хотел смотреть туда.

– Джамиль погиб, – вспомнил я. Аваз перестал улыбаться, но только на секунду.

– Много их погибло, – кивнул Аваз, – что теперь делать, если бы эту громаду не свалили, погибло бы еще больше. Да ты никак трясешься весь? Все, все, парень, никто тебя больше не тронет. Все кончилось.

Добрая половина городка полегла под руинами, крепость треснула пополам, расплющилась, как старая картонка. Люди как будто ничего не замечали, на остатках города забелели скалтерти, где-то хлопали пробки, я все еще вздрагивал, как от выстрелов. В сумерках замерцали фонарики, люди толпами валили на освещенные площади. Кто-то страстный, с горящими глазами стоял на крыше Ленд Ровера, кричал в лиловое небо: «Мы ждали этого момента тысячи

лет... Никто и никогда не терпел столь позорного рабства... Наши дети и внуки заслужили лучшей участи...»

– Пошли, что ли, жрать, – Аваз не чувствовал торжества, спокойный, как спящий верблюд, – вон, поляна накрыта, барашек чудо, только что с пылу с жару, вино. Или ты пивка хочешь? Ну что, хозяйка, смотришь? Наливай, что ли, сыпь шашлычок в тарелку...

Я посмотрел на хозяйку, молоденькую девушку, смуглую, большеглазую. Жуткая восточная красота, тот самый огонь, который горит, не сгорая.

– Вот, – она протянула мне холодный стакан, – а вы... это... Джамиля моего не видели? Вы же с ним шли...

Я отвернулся, не мог ничего сказать.

На горизонте пылали погребальные костры.

Городок ослеп от пестрых лампочек; затонул в шашлычном чаду, в запахе острых приправ, крепкого вина. Шумел и плясал всю ночь, надрываясь от криков: «Башня пала! Башни больше нет!» Городок пил, городок ликовал, как будто потихоньку сходил с ума. Затих только под утро, все как-то разом повалились на тряпки, на пески, на постели с женщинами и без. Я уже забыл про бензин, и про то, куда я ехал и зачем, и вообще, что я куда-то ехал.

Когда я проснулся, утро навалилось на меня со всех сторон, как будто караулило. Жесткое, пустынное, оно парило над песком, тянулось ввысь, поднимало над собой небо. Город понемногу оживал, начинал шевелиться, стонал, охал, приходил в себя. Я понял, что лежу в каменном бараке на подоконнике, подоткнув под себя дырявый матрас. Голова ныла и гудела, что-то методично пульсировало в висках. И хотелось пить.

– Ну что, парень, – Аваз вошел в комнату, зевая, потягиваясь, тряся жирным брюшком, – иди, что ли, получай свой бензин. Тебе девяносто шестой? Будет, будет, для хорошего человек ничего не жалко. Хороший человек, убивать не стал... мы-то люди пропащие...

– Спасибо, – я свалился с подоконника, сжимая виски, – я уж думал, не выберусь...

– Напрасно ты так думал, – он выполз из барака, как был, в одних джинсах, и на шее у него болтался деревянный амулет, – что, голова болит? А у меня трещит, как... пустой орех. Ты это красное винище пил? Нет? Правильно сделал, я два стакана выпил, думал, помру...

Улицы расступились – за ночь с них содрали тенты и старые мешки, улицы казались обнаженными, стыдливо прятались от солнца за стенами домов. Я узнал свою машину – кто-то пригнал ее сюда, кто-то уже под завязку наполнил баки. Так показалось мне. Ленд Ровер притулился среди барханов, ткнулся носом куда-то в песок, как верблюд на водопое. Ждал меня.

– Спасибо, – я подошел к машине: отсюда, с пустоши виднелись руины башни, я остановился, чтобы еще раз посмотреть на них. Может, сделать еще один снимок на память. И остолбенел.

Люди все так же возились вокруг обломков, как вчера: тот же муравьиный бег, то же мерное копошение, десять человек волокли по песчаной горке огромный каменный монолит. Стучали молотки, визжали дрели, завывали пилы, хрипели усталые голоса. Башня росла – еще незаметно, еще совсем чуть-чуть, но она росла. Потихонечку – до самых небес.

– А что это вы... – я указал на руины, – заняться больше нечем?

Аваз молчал, как будто ему было неловко за своих.

– Что делаете-то? – повторил я, – вы сами хотели избавиться от башни, от этой каторги... а теперь делаете то же самое?

– А что прикажешь? – он хлопнул меня горячей рукой, – больше мы ничего не умеем. Думаешь, так легко отучиться строить башню, если ты строил ее две тысячи лет? Проще бросить курить, ей-богу... Это же вся жизнь была... старую-то жизнь кончили, а новой еще не придумали. Не успели.

– Да, в начале всегда бывает сложно, – согласился я. Все еще не верил, что все кончилось так странно.

– В каком начале? Тю-ю! – Аваз горько засмеялся, – мы тут знаешь, в который раз эту Башню рушим? Еще мой прадед тут революцию учинил, тоже поломали эту шарагу к чертям. И знаешь, как было-то, он в бою в самой каше был, целехонький остался, а потом, когда уже за столы сели, из развалин выползает Подвижник – кажется, последнего не добились. У самого кровийца хлещет, трясется весь, а пистолет еще держит, собака. Р-раз! – и нет прадеда. И сам умер. Прабабка-то потом как выла...

– Ваш прадед... первым поднял восстание?

– Тю-ю, первым! Первый раз, когда языки смешались, кончилось все. Потом в ноль первом году. Нет, не две тысячи, а просто... от Рождества Христова. Тоже восстание было, порушили башню, она втрое выше была, чем ты видел... потом, когда Карл Великий был, потом Чингисхан тут гулял, мы под шумок Башню развалили, сказали, что это чингисханово войско прошло. Подвижники поверили, прикинь? Тамерлан, правда, сам все развалил, камня на камне не оставил. Руины на сто километров и горка черепов посередине. Любил он груды черепов...

– И сколько раз разрушали Башню? – не выдержал я.

– Да раз сто, наверное. Может, больше. Хочешь, летопись посмотрю, там валяется в архиве, пылицы с них...

– Рушили Башню... и всякий раз возводили ее снова? Да?

– Ну а то. Знаешь, когда падает Башня, всегда надеешься, что уж теперь-то ее никто не построит. И что все будет по-новому. Как-то само собой. Люди добрее, женщины красивее, утром встанешь, и начнется что-то интересное... А потом мы просыпаемся и не знаем, что делать. И снова строим Башню.

– Нельзя же так, – я оставил машину, зашагал к башне, – надо же пересилить себя, раз и навсегда сказать себе, что вы этого не хотите. Начать жить по-новому...

– Тю-ю, думаешь, кто-то тебя послушает? Ты вот что: тебе бензин дали? Дали. Езжай. А со своим уставом в чужой монастырь... знаешь...

Я уже и сам понимал, что не мне, чужому человеку менять здесь что-то. Они не поймут меня, и вчерашние друзья станут врагами, может, сожгут меня, как еретика, где-нибудь на площади. Я сел в машину и помахал Авазу, и пустил Ленд Ровер через пески, дальше, дальше, оставляя за собой пепелища и руины. Как Чингисхан. Пустыня спала, как будто тоже выдохлась вчера, на горизонте мелькало что-то призрачное, дымчатое, стоило посмотреть на него – и оно исчезало.

Они больно врезались мне в память – странные люди, которые не могли забыть свое прошлое. И еще врезались мне последние слова Аваза – он сказал это, наклонившись к машине.

– Знаешь, парень, еще, почему не бросаем? Вот мы порушили башню, вон руины лежат, напьешься, наладуешься, а потом помотришь на эти камни и думаешь: А если, правда? А если вот еще камень-другой положить, и вот тебе, небо и Бог сидит? А вдруг? Так и мечемся туда-сюда, как маятники.

Хотелось сказать им, чтобы они не валяли дурака, и выбирали что-то одно. Или сиди на земле, или карабкайся в небо. Но я ничего не сказал, мне уже было не до них.

Я остановил Ленд Ровер посреди пустыни, где не было видно никого и ничего. Вышел, захлопнул дверцу, машина исчезла. Кажется, все. Можно возвращаться на небо.

Легко и быстро я взмываю ввысь, пустыня изгибается, как чаша, наполненная пустотой. Потом выгибается обратно, вокруг меня стадами сбиваются облака. Земной шар удаляется, он похож на кружочек кофе в чашке – и сливочная пена облаков. Ее хочется размешать. И выпить до дна.

Люди... их много. Они не знают, что я – их Бог. Боги редко опускаются на землю вровень с людьми – только для того, чтобы люди не поднялись на небо вровень с Богами. Интересно, сколько они еще будут строить свою башню, и сколько мне еще придется поднимать бунты?

Там, среди звезд меня встречает Джамиль. Мне придется сказать ему, что он не вернется к своей невесте. По крайней мере, не сейчас, только через сорок лет, она еще выйдет замуж, у нее будет трое детей. А потом она умрет, и два человека снова встретятся. Я увижу, как они встретятся. Это всегда немножко радостно. И немножко больно.

2009 г

Ведро тепла

– Вызывали?

Ненавижу.

Кого?

Всех. Их. Которые ходят сюда. Неважно, зачем. Думаю, никого не трогаю, перебиваю в покое, тут на тебе, ввалится какие-то, и не выгонишь. Чесслово, были бы руки, швырнул бы чем-нибудь, да посильнее.

– Вызывали?

Хочу сказать – не вызывал. Тут же спохватываюсь, а ну да, конечно, вызывали... вызывали...

Мужчина. Молодой. Молодой сейчас редкость. Мужчина – редкость еще большая. Вваливается, как к себе домой, хоть бы сапожищи снял для приличия, да фиг с два, не царское это дело, сапожищи снимать...

– Сообщение какое-то выходит...

– Какое какое-то?

Не отвечаю. Откуда я знаю, какое, не я программер, а этот, который пришел...

Программер смотрит. Проверяет что-то. Не знаю, что он там проверяет, и знать не хочу. Ненавижу.

Его.

И всех.

Особенно всех. Нет, в этот момент – особенно его.

– Это кто ж вам такое поставил...

Не знаю, что там такое. Не хочу знать.

– Мастер. Кто до вас был.

– Руки мастеру оторвать. И голову туда же. Это менять надо...

– Сколько?

Он называет сумму. Вдрагиваю.

– Разорите вы меня... а эту оставить нельзя?

– Смеетесь? Нет, бога ради, хоть насовсем штуку эту оставляйте, только она у вас через минуту снова полетит...

– Разорите вы меня...

Перевожу сумму на счет программера. Главное, номер не перепутать, сорок седьмой, сорок седьмой. Охренели с ценами, это мне скоро круглые сутки пахать придется, чтобы хоть что-то заработать...

– Готово.

Уходит. Ненавижу. Ненавижу его, за то, что он ходит. Ненавижу себя, за то, что не могу ходить.

Сигнал.

Сигнал я тоже ненавижу. Это значит, полетела электростанция. Да не куда полетела, а просто. Так и есть, напряжение уходит в минус, началось в деревне утро, закричали петухи...

ПРОВЕРИТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ...

ЗАГРУЖАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ...

Ну, давай же быстрее... подгоняю комп силой мысли, мы с компом давно уже единое целое, быстрее, быстрее, еще быстрее нельзя, тогда будет больно и компу, и мне.

Проверить подачу кислорода...

Проверить охлаждение...

Проверить вакуум...

Проверяю. Вспоминается что-то откуда-то из далекой юности, когда стреляные-бывалые сетовали, вакуум падает, слышь, сгоняй к Егорычу, принеси ведро вакуума...

Нда-а, ведра вакуума здесь не хватает.

Кое-как выверяю давление.

Ненавижу.

Ночь.

Ненавижу ночь.

Чувствую, что она меня тоже ненавидит.

Подкрадывается, медленно, неумолимо, нюхает темноту острым носом, я уже знаю, от нее не убежать. Не на чем убежать.

Как маленький, утешаю себя, что ночь там, на улице, сюда она не проберется. Не может. Потому что...

Потому что не сможет.

– А на улицу не ходи, там темно...

Голос матери откуда-то из ниоткуда. Из прошлого.

– А чего так?

– А так... кто на улицу попал, заблудился и пропал...

– А чего?

– А тебя эти заберут...

– Какие эти?

– Ну, эти...

Голос из прошлого. От этого голоса в памяти становится легче. Даже странно, мне его в память не записывали, а он есть...

Здесь надо отключиться и уснуть, и всегда боязно отключаться, а вдруг ночь нападет как раз в тот момент, когда...

Засыпаю.

ЯНДЕКС

НАЙДЕТСЯ ВСЕ

ИРМА ЛАНСКИХ

ВАШ ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ

НАЙДЕНО 4 ТЫС ОТВЕТОВ

Отсеиваю фирмы, каких-то Ирм какого-то скандинавского эпоса, не верю, что найду.

Однозначно сменила фамилию.

Потому что...

Просто потому что.

Вижу знакомое лицо.

Не может быть.

И все-таки...

Не ненавижу.

Люблю.

Нет, вру, уже не люблю, любил тогда, когда-то тогда, меня, еще новичка, послали в сан-часть, принести ведро овуляции, окна мыть... Остановится на пороге, спросил, молоденькая медсестра расхохоталась, звонко, заливисто, ах-ха-ха, вот с этого-то ах-ха-ха все и началось...

Ирма...

– А вы здесь какими судьбами?

– А что, видно, что нездешний?

– Так ясно же, новичок... вот, послали вас...

Вспоминаю ведро овуляции, краснею.

– Да ну, у нас тут вообще новичков послали у антенн стоять, метлами помехи отгонять...
Смеемся.

– А я из Иркутска, город вымер, я сюда перебрался...

Кивает. Про эпидемию стараемся не говорить, вообще, зачем ляпнул, что выбрался из очага, на таких смотрят косо. То ли бояться, что принесу эпидемию с собой, то ли смотрят косо, а какого это черта ты выжил, когда все померли... уже чувствуешь себя так, будто сам эту эпидемию устроил...

ИРМА ЛАНСКИХ

Знакомое лицо. Двадцатилетней давности. На страничках любят ставить фото двадцатилетней давности.

ДОБАВИТЬ В ДРУЗЬЯ

Ирма... хоть бы узнать, кто она, что с ней, живая, нет, или как я, распятая на серверах и винчестерах...

Воспоминания...

Больше всего ненавижу воспоминания...

– Рванет сейчас...

Сергея смотрит на меня стеклянными глазами, первый раз его вижу в таком состоянии, если Сергей улыбаться перестал, это все...

– Рванет...

– Там эту открыть надо... – вспоминаю название, не вспоминается, меня только на электростанции...

– Когда ты там эту откроешь...

– Успею...

Кидаюсь в отделение, где эта, которую нужно открыть, поворачиваю...

– ...ай!

Свет в конце туннеля.

– Отключай!

– Ты чё?

– Да хрен уже очнется, отключай на хрен...

Хочу показать им, что я очнулся. Мое тело меня не слушается, я вообще его не чувствую, тело, говорят, такое бывает...

– Вон, мигает...

Не чувствую, чтобы я мигал.

Свет в конце туннеля обретает форму, потолок, стены, лица людей...

– Очнулись... слушайте, тут такое дело, в общем, вы...

– Да погоди ты, не пугай человека...

Люди одергивают друг друга, хотят что-то сказать мне, и не могут, боятся, ну не томи, скажи...

ИРМА ЛАНСКИХ

ГОРОД ВОРОНЕЖ

Ёкает сердце, Ирма где-то рядом, легко сказать рядом, в огромном городе, адреса нет, ничего нет, ищи-свищи...

Когда я понял, что случилось...

Не знаю. По крайней мере не помню, чтобы мне кто-то что-то объяснял. Если вещи, которые никто не объясняет, до них просто догадываешься, и все.

– А вы ничего, – кивает не то молодой врач, не то молодой программист, не то и тот и другой вместе взятый, – другие орут, убейте меня, убейте, я в окно выброшусь, а вы...

Чувствую...

...что ничего не чувствую, чувства остались где-то там, вместе с моим телом, помню, еще просил показать, что от него осталось, смеялись, разводили руками, еще мы хранить это должны...

Смех в коридоре.

Ненавижу, когда смеются, с каких-то пор ненавижу смех, особенно этот, женский, ах-ха-ха...

Стоп...

Смех...

Открываю дверь.

ОТКРЫВАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ

Жду.

Вижу ее за дверью, в коридоре, да быть не может, чтобы это Ирма, не Ирма, нет, только вот по этому ах-ха-ха узнаю – Ирма.

Программист обнимает Ирму, ну что ты, ну как можно, ну давай дома, тьфу ты, у тебя вся ночь впереди... и все ночи...

Ненавижу.

Сигнал.

Летит напряжение, как-то некстати летит, выверяю, вымеряю, пропади оно все, пропади...

Здесь не хватает ведра напряжения. Прямо чувствую, как гаснут окна в домах. По всему городу. Снова вспыхивают...

Выверяю напряжение. Не выверяется, скачет, в последнее время сильно скакать стало, не слушается...

Ненавижу.

ЗАГРУЖАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ...

Быстрее же...

ПРОГРАММА НЕ ОТВЕЧАЕТ

В последнем проблеске сознания вижу, как напряжение ползет вверх.

– Вызывали?

Ненавижу.

Ненавижу вот таких, которые заходят и спрашивают – вызывали?

Хочу огрызнуться, что никого я не вызывал, тут же спохватываюсь.

– А... да... зависает все.

– Нет такого понятия, всё.

Голос чужой. Незнакомый. Не сорок седьмой, это хорошо, что не сорок седьмой, сорок седьмой сейчас убил бы на месте, интересно, как...

– А блок питания классный стоит... меняли недавно?

– Ага... три сотни отдал.

– Смеетесь?

– А что?

– Эта штука полсотни стоит, не больше...

Здесь должно ёкнуть сердце. Не ёкает, потому что у меня уже нет сердца.

– Нехило содрал...

Он закрывает крышку. Выходит. Ненавижу его за то, что он ходит, а я нет.

Ненавижу себя.

Ненавижу всех.

Мечь.

Больше ни о чем не думаю. Мечь. Какая-то особо изошренная, здесь не подойдет просто позвонить в службу, а сорок седьмой у вас работает, а арестуйте, а он меня на двести пятьдесят наколол...

Нет...

Здесь другое что-то...

ЯНДЕКС

НАЙДЕТСЯ ВСЕ

Набираю запрос.

ВАШ ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ

Жду. Сейчас окажется, что сорок седьмой дежурит через неделю, а за неделю я уже на тридцать три раза остыну, отойду, я же себя знаю, сердца-то нет.

№47

ДНИ РАБОТЫ...

Почти чувствую, как ёкает сердце. Сердце, которого нет.

Сегодня.

Набираю номер. Жду.

– Сорок седьмой слушает.

– На станции в восемнадцатом отсеке кран полетел.

– Да быть не может.

– Точно вам говорю, полетел, мне из диспетчерской виднее.

– Заявочка ваша принята... ожидайте.

Ожидаю. Поднимаю давление в отсеке. Больше. Больше. Система кричит что-то про критические значения, делаю вид, что не слышу.

Выше...

Ненавижу.

Чувствую, как по шкале поднимается моя ненависть, которой я хочу испепелить сорок седьмого...

Вывожу до критической точки...

Только сейчас слышу сигнал, уже пять минут долбит мое сознание, ненавижу сигналы, ненавижу, что там...

Начинаю понимать. Пока терзал давление в крохотном отсеке, прощелкал, что сейчас вся станция взлетит на воздух.

Или весь город.

Смотрю показатели, переключаю все, что можно переключить, поздно, поздно спохватился, нет, нет...

Ирма...

Как я люблю тебя, Ирма, как я тебя ненавижу...

...рия на воронежской АЭС вследствие ошибки диспетчера, к счастью, катастрофы удалось избежать, по предварительным данным...

Ненавижу...

Входит управляющий. Его я тоже ненавижу. Особенно. Но его нужно терпеть.

Заходит. Рассаживается. Как у себя дома.

– Ну вы молодец. Ловко вчера...

Посылаю смайлик.

– Рад стараться.

– Да... на покой вам уже пора.

– Не понимаю.

– На покой. Долго, славно работали, очень нам нравится, как вы работаете... только...

в ваших услугах больше не нуждаемся.

Не понимаю.

Он кланяется. Выходит. В комнату вваливаются молодчики, большие, тяжелые, шумные, пахнущие улицей, отключают блок питания.

– Раз-два, взя-а-али...

Подхватывают системник. Выносят. Куда-то в никуда. Еще хочу заорать в динамики, что вы делаете, динамиков нет, орать не во что.

– Куды его...

– Куды, сюды, ишшо-то кудыть... эт самое...

– Ой, млять...

Земля грохает о мой корпус. Оглядываюсь, вижу, как они удаляются, две массивные фигуры, перекрикиваются, переговариваются о чем-то, ну эт самое, тудыть, значит, так-то оно тудыть...

ОСТАЛОСЬ 80% ЗАРЯДКИ

Тишина. Не полная, какая-то прерывистая, скрежетание, стрекотание, шебуршание. Меня окружают обломки чего-то, что было машинами, детали, обрывки, куски...

56%

Меркнет свет. Не сразу понимаю, что свет меркнет не внутри меня, а снаружи. И меркнет непривычно, – медленно, постепенно. Начинаю вспоминать, тогда-то оно так все и было...

Когда тогда...

– Ма, а эти придут?

– Не придут... я их не пушу...

Кто на улицу попал, заблудился и пропал...

40%

Ночь.

Время этих.

И вроде понимаю, что никаких этих не было и нет, а чувствую – придут.

Эти...

Шорохи. Вздохи. Стук шагов. Голоса.

Ненавижу...

36%

Это вон...

– Куд-да ты ее тащишь, не вишь, что ли, пополам переломатая?

– Точно, черт...

– Эта вон ничего...

– Бли-ин, кабель новехонький...

– Так бери, чего встал-то?

– А чего прикажешь, сесть?

Смех.

Ненавижу.

Приближаются. Они. Эти.

Слышно, как дышит ночь. Топорщит свою вострую мордочку.

29%

– Гляди, вон еще... целехонький...

– Раз сюда снесли, значит, не целехонький. Точно, его еще при Пушкине делали...

– Это кто такой будет?

– Президент такой был... в каких-то там годах...

– Тьфу на тебя, он стихи писал... эти...

– А кто ж ему запретит...

Вижу лицо сорок седьмого. Совсем рядом.

– М-мать моя женщина...

– Чего там, Дюш?

– Охренели совсем... сдурели, с-суки, человека живого вот так... на свалку...

– Отработал свое, что ж хочешь... Аминь...

– Робя, давайте его в металлолом?

Подхватывают. Несут. Вспоминаю, где у меня оружие. Нигде. Сколько раз хотел поставить, столько раз отмахивался, на хрена...

Вот и на хрена.

19%

– Сорок седьмой, вы...

– Андрей.

– Что?

– Еще раз меня сорок седьмым назовешь, в харю получишь...

Еще думаю, чем отбиваться. В таких случаях полагается дорого продать свою жизнь. Знать бы еще, как это – дорого продать свою жизнь...

– Куда ты его, Дюш, к себе?

– Ну...

Распахивается дверь, обыкновенная, не электронная, вижу Ирму, теперь знаю, эта постаревшая – Ирма, выбегают ребятишки, смотрят на меня, па-а, а эт, чего-о-о-о...

– Кто этого тронет, вчера умрет. Ну что, Ирмуль, курчонком пахнет... Кормилица ты наша...

7%

Думаю, что он со мной сделает. Думать не хочется, ничего не хочется, сейчас бы убежать отсюда...

...на чем?

– ...да старенький он уже, винчестер только крутой... ну и блок этот, который я ему ставил...

Оружие.

Будь я проклят, что не взял оружие...

3%

Датчики предупреждающе мигают, система требует немедленной подзарядки, интересно, от кого...

Сорок се... Андрей пробует ткнуть мой зарядник в розетку, смачно ругается, перебирает переходники, наконец, цепляет напрямую, проводок к проводку.

Это всегда жжет, когда напрямую.

Впрочем, это неважно.

- Вот так... заряжайся... ты на ночь отключаешься, или как?
- Отключаюсь.
- Тоже правильно... Ирмуль, ты ему там на столе место устрой... чш, куд-да ты возле окна, ему тепло нужно...
- Так это ведро тепла принести надо! – Ирма смеется, звонко, залиvisto, ах-ха-ха...
- Что уж там, сразу ведро давления...
- Смеемся. Все. Вместе.
- Как это... по молодости... искра в землю ушла... молодых гоняли искру выкапывать...
- Смеемся. Дети спрашивают, где копается искра. Чувствую, как ненависть уходит из того, что было у меня сердцем, оказывается, за годы там осталось еще что-то кроме ненависти, еще толком не разбираю, что, еще разберусь...

2013 г.

Займ

– День добрый.

– А?

– День добрый.

– Чего?

– День добрый, говорю.

С ума я сошел, что ли... очень похоже. Да не похоже, так оно и есть. Протираю глаза, голова раскалывается, осколки головы падают на пол. Как во сне смотрю на иссиня-лиловое нечто, как оно возвышается надо мной, хлопает, фыркает, сморкается, выговаривает – день добрый.

А говорили люди добрые, полбутылки достаточно будет. Не-ет, мы же умные самые, мы же, как в сказке, где богатыри зараз три бочонка вина выпивают...

Ну-ну.

– А... чего?

– Ду юс пик рашн? – клокочет месиво.

– А-а... спик. Рашн...

– Так день добрый. А-а-а... – месиво колышется, вздрагивает, – утро доброе.

Жуткий голос, человеческий и в то же время не человеческий.

– Утро добрым не бывает.

– Но... мне велели... сказать... утро доброе.

– Кто велел?

– Хозяин велел... заругает хозяин... не понравилось вам... заругает теперь...

Спохватываюсь.

– А, не, не, понравилось. Доброе утро. Вы хозяину скажите, что мне все понравилось, чтобы он вас не ругал.

Месиво оживает, кажется, радуется.

– Спасибо... большое... спасибо.

Пауза.

Пытаюсь встать, голова тяжелая, голова тянет назад. Осторожно откашливаюсь.

– Так... чему обязан?

– Меня просили вернуть вам то... что мы брали.

Пытаюсь вспомнить, что брало у нас вот это вот нечто. Хоть убей, ничего не вспоминается. Вчера вроде не до такой степени наклюкался, чтобы вот так... так...

– Вот, – нечто вываливает на стол пустоту. Осторожно пробую пальцем стол, нет ли чего-то невидимого. Нет. Ничего. Совсем.

– Э-э-э... а это что?

– Вам виднее... Это же ваше.

Снова откашливаюсь, чуть не давлюсь слюной.

– То есть вы сами не знаете, что принесли?

– Не знаю. Не знаю... я же только передать должен. Только передать.

– Вы меня с кем-то путаете.

– Путаю?

Жуткий голос. Без эмоций. Голос, от которого хочется бежать.

– Ну да. Мы... я... ничего у вас не брал.

– Не брали? Вы что, разве не заметили, что брали у вас... – месиво клокочет, фыркает, пузырится, – там не заметить нельзя, там такой зазор, такой зазор огромный, там столько не хватает...

Не понимаю, на всякий случай говорю:
– Нет там зазора никакого, все там хватает.
Существо клокочет.
– Так значит...
– ...значит, это ошибка. О-шиб-ка. Вы перепутали.
Месиво вздрагивает, колышется.
– Ошибка... простите...
Кое-как поднимаюсь с кровати.
– Ничего страшного.
– Меня будут ругать...
– Нет, нет... вы им скажите там, я просил, чтобы вас не ругали.
Лиловое нечто подхватывает со стола что-то невидимое. Отхлынывает в сторону, смотрит на линолеум, заляпанный не пойми чем.
– Простите. Я здесь...
– Ничего, ничего страшного. Я уберу.
– Уберете?
– Ничего, ничего. Я тут еще раз в десять больше напоросятничаю, мне только волю дай...
Он уходит. Как-то странно уходит, вот только что был – и уже нет. Кажется, если бы он еще раз так ушел, я бы понял, как именно он это делает.
Но я знаю, что он уже не вернется.
Моросит дождь за окном, мелкий, осенний, небо плачет, не может выплакаться.
Кое-как доволакиваю себя до стола, кое-как включаю чайник. Пить, пить, пить, кофе, кофе, кофе, любой ценой вернуть себя к жизни.
Возвращаюсь к жизни.
Возвращаюсь к расчетам.
Нет. Сначала к расчетам, потом к жизни.
Нет. К жизни вообще как-то не получается.
Читаю последнее, что накропал вчера, до дверного звонка, до а-а-сколько-лет-сколько-зим, до пьяного угара...
Мельчайшей частицей в настоящее время признан Т-кварк (истинный кварк). Далее наблюдается огромный зазор в диапазоне мелких частиц. Данный зазор замыкают планковские длины. Есть предположение, что пустой диапазон содержит множество частиц, не открытых современной наукой. Однако, предполагаемые частицы никак не проявляют себя в нашем мире, поэтому...
Начинаю понимать.
И странно, что начинаю понимать, когда голова соображает хуже всего.
Хватаюсь за стены, кое-как бреду через комнаты, почему-то распахиваю дверь в подъезд – хотя точно помню, что он уходил не через входную дверь...

2015 г.

Верхом на танке Хан Мамай

...Наполеон Бонапарт был первым неандертальцем.

...обезьяна превратилась в человека 7 ноября 1917 года, в честь чего эта дата была названа Великой Революцией

...Т. Эдисон был первым президентом Соединенных Штатов

...Петр Первый был назван так, потому что он был первый человек, полетевший в космос.

Император Август устроил августовский путч девяносто первого года

Золотая Орда называлась так потому, что добывала золото в Калифорнии во время золотой лихорадки.

Вот такие ответы получены нами в результате Всероссийского опроса населения. В настоящее время знание прошлого...

Шеф смотрит на меня исподлобья. Не люблю я, когда он так смотрит, ой, не люблю.

– Ну что... с этим что-то делать надо.

Холодеет спина. Знал я, что моя статья не ахти, но чтобы настолько...

– Ну, я перепишу...

– Да не про статью я... про историю нашу... люди прошлого своего не помнят.

Отлегло от сердца.

– Я вон вчера домой пришел, сыну взбучку устроил, ну-ка, показывай, чего задали, в учебник по истории глянул... мать честная...

Прикидываю, что там могло быть в учебнике по истории, восстание мамонтов при Наполеоне или махинации Хитроумного Одиссея на фондовой валютной бирже.

– А что? – спрашиваю я.

Шеф, кажется, не замечает вопроса, бормочет:

– Надо с этим что-то делать... на-до-что-то-де-лать...

– Варюш, учебники свои покажи, а?

Варя замирает в коридоре, настороженная, испуганная, чувствует, дело пахнет порохом.

– А нам... ничего не задали еще...

– Да знаю я, первые полгода детям же вообще ничего не задают, на фиг надо... я тебе говорю, учебник покажи...

– В школу собрался?

– Ну а то... дай, думаю, стариной трягну...

Варюша вытаскивает учебник, блестящий, глянцевый, «Россия и мир», так и хочется добавить, и все-все-все. Открываю книгу...

– Эт-то что?

Не понимаю. Не верю. Кто из нас сошел с ума, я или авторы учебника, или все-все-все...

Перелистываю. Может, чего не понял. Или не так понял. Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так...

И все-таки...

Листаю. Перелистываю. Чистые страницы. Одна, две, десять, двадцать, пронумерованные с краешку.

– Это что? – спрашиваю, сам пугаюсь своего голоса.

– Учебник наш.

– А... как вы по нему заниматься будете?

Варюша лениво отмахивается, мол, не все ли равно.

– Да не все равно... это как теперь получается... Нет у вас, что ли, уроков истории?

Варюша снова дергает плечами, нет, и не надо, и хорошо...

Спать...

Какое там спать, черта с два тут заснешь. Ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь что-то вспомнить, не могу. Собираю по кусочкам историю в голове, как оно там было на самом деле, а не то, что напридумывали современные эти... эти... не знаю, кто. Вспоминается какой-то там класс какой-то там школы, ну-ка, ребята, в каком году Куликовская битва, и тяну руку, только что не выпрыгиваю из-за парты, молодец, Игнашев, один марку ряда держишь...

И я отвечаю...

А вот что я отвечаю...

Верчусь в постели с боку на бок, ко мне только динамо-машину подключить, энергии хватает на весь город. Припоминаю. Не припоминается. Выцарапываю из памяти. Не выцарапывается. В каком году... в каком, в каком... Вот вертится же перед глазами картинка на развороте учебника, прямо на обложке, Куликовская битва на реке Угре... или нет, вру, на реке Угре что-то другое было... Курская дуга, что ли... точно, как сейчас вижу, на картинке в памяти, степь да степь кругом, танки друг на друга прут, и верхом на танках хан Мамай и Дмитрий Донской... Нет, вру, это Маресьев был, он еще под колесницы гуннов бросился...

Опять вру. Гунны, это же эти... которых в Варфоломеевскую ночь перерезали. Или нет, то другие были. Эти... ведьмы... их еще всех на костре сжечь хотели, а они на метлах из костра вылетели. Им медаль еще дали за отвагу. А потом была русско-китайская война с применением китайских боевых драконов. А потом...

Нет, что-то опять не то. Понять бы еще, что. Тихонько встаю, жена что-то сонно бормочет, куда тебя черт понес, куда-куда, на Кудыкину гору... впотьмах ползу в Варькины хоромы, выискиваю учебник, в тусклом свете ночника смотрю на чистые страницы.

Один черт...

Потихоньку включаю комп, сейчас Варька выползет, подумает, я тут в стрелялки режусь, заблестят глазешки, ты чего, Варюш, не спишь, а ты чего не спишь...

ЯНДЕКС

НАЙДЕТСЯ ВСЕ

Ну-ну, посмотрим.

ИСТОРИЯ

Перебираю ссылки, история села Горюхина, случилась со мной одна стыдная история, Вика-Вика-Виктория, печальная история... все не то.

МАМАЙ

Быть может, вы искали, мама...

Не искал я маму...

НАПОЛЕОН

Возьмите пять яиц, 500 г. муки, 50 г. сливочного масла, взбейте яйца с мукой...

Очень приятно.

Припоминаю сам, Наполеон, это который Америку открыл, он еще плыл из Трои в Итаку, заблудился и открыл Америку.

Не то...

Нет, Наполеон... Что делал слон, когда пришел Наполеон. Значит, Наполеон, это где-то в Индии, раз он на слонах ездил.

Вспоминаю.

Не вспоминается.

Как будто нечего вспоминать...

– Вы мне скажите, вам это... зачем?

Он смотрит на меня, холодно, пристально, не мигая. Что-то уж совсем не мигая, ну не может человек так долго не мигать. Интересно, сколько он с меня потребует за услугу, все мои сбережения или и того больше. А может. Запросто.

Он сидит напротив меня, за столиком. Не мигая. Неприметный человек, вот спросите меня, как он выглядит, вот не отвечу. Выглядит, как манекен на витрине.

Смотрит.

Не мигая.

Он что-то знает, он сразу сказал мне, что что-то знает. Про прошлое. Которого нет. Про историю. Которой тоже нет. Я выпросил у него встречу, долго думал, идти или не идти, ждал какого-то обмана, каких множество...

– Вы мне скажите, вам это... зачем нужно? – спрашивает он.

– Ч-что зачем?

– Прошлое?

Открываю рот, тут же понимаю, что сказать мне нечего. Припоминаю что-то из уроков истории, первое сентября, красный день календаря, первый урок, зачем нужно знать историю... и как назло ни одного аргумента не вспоминается. Ну правильно, если уж начали забывать уроки истории, то все, от и до...

– Ну-у...

– Вы что, едите ваше прошлое за завтраком? – спрашивает он.

Фыркаю.

– Или намазываете на хлеб?

Шутит. При этом даже не улыбается.

– Нет, правда... сколько людей я спрашивал, столько мне не ответили, вот как вы сейчас... Для чего-то же вы используете прошлое... качаете из него энергию?

Смотрит. Не моргает. Таращатся блестящие глаза.

– Ну что вы, мы до такого еще не дошли... – пытаюсь отшутиться, чувствую, шутка не получается.

– Ну надо думать, где вам... из воздуха энергию и то до сих пор качать не можете...

Смотрю в глаза. Немигающие, холодные, блестящие. Не бывает у человека таких глаз.

– Зачем вам... прошлое?

Он может мне уже ничего не объяснять. Понимаю все.

Выхватываю перочинный ножичек, с ума я сошел, что ли, вонзаю в грудь безликому человеку, понимаю, что тычу ножом в воздух, человек передо мной растворяется в пустоте.

Похоже, и правду сошел с ума...

...поставки прошлого в этом году увеличились на 70% за счет обнаружения территории с безграничными залежами прошлого. Причина удачной находки – полнейшее неумение местных жителей использовать энергию прошлого. В настоящее время наши исследователи пристально рассматривают данный феномен...

– Там они залегли, – шепчет Игнатич.

Киваю. Сам вижу, что там, за руинами того, что когда-то было Москвой-Сити. Ага, боятся нас, сволочи. И вроде радостно, что бояться нас начали, и в то же время плохо, вот как их теперь оттуда выщипаешь...

Высматриваю в руинах кого-то, эфирного, призрачного, направляю лазер. Ага, пыхнул, исчез, голубчик...

Вспоминаю, сколько их еще таких. На душе становится как-то мерзехонько.

– Наша возьмет, – шепчет Игнатич, давится хриплым кашлем, – ох-кхо-кхо, разобрало-то как... давненько так не было... вот с тех пор как моя... моя...

Умолкает, думает что-то, прямо-таки вижу, как ворочаются под черепом тяжелые мысли.

– Слушай, а чего я вспомнить не могу, как жену мою звали? А?

Пожимаю плечами, мне-то откуда знать...

– Не, правда? Почему я не помню, а? А? Парень, это что получается, это им мало прошлого давнего, они теперь и личное прошлое лапают? А? Во, блин, не было печали... Ну чего вытарщился, бей их давай, так вообще родства своего помнить не будем!

Бью что-то неприметное в руинах, жгу лазером, наша возьмет, черт их дери, наша возьмет...

2013 г.

Ветер возвращается

– Ты посмотри, дом! Дом вырос!

Жала бежит к дому. И правда, на холме вырос дом, большой, красивый, двухэтажный, с башенками. Пожимаю плечами, а ты что хотела, голуба, домный дождь был, вон как зарядил с утра, вот и вырос дом. Хотя, конечно, такой дом – это удача редкая, в долине всё сплошь маленькие беседки выросли и крохотные домики, а тут нате вам. Дом.

Жала бежит в дом, поднимается на крыльцо – тук-тук-тук, – в просторную прихожую, спотыкается о стойку для зонтиков.

– Миленький, ты посмотри, да тут стол накрыт... у-у-у, пианино!

Жала ударяет по клавишам, наигрывает какой-то мотив, я и не думал, что она умеет играть. Бежит на второй этаж, догадываюсь – падает на широкую кровать, там должна быть широкая кровать, и ночной столик со всякими мелочами...

– Слушай, какое счастье, что мы его нашли!

Киваю. Счастье. Жала разливает чай, режет пирог, из пирога поднимается крепкий ягодный дух.

– Ой, миленький, сколько мечтала... а то что мы всё с тобой по мегаполисам...

Киваю. Ну да. Мегаполис, он быстрее растёт, разрастается. А вот дом вырастить, это да, это труд.

Миленький... Жала до сих пор не знает моего имени. Она не знает, что у меня нет имени.

Сгущается вечер, темные тени ложатся на холмы, темные тени скользят за окном. Встревожено оборачиваюсь, неужели началось, вроде бы еще рано. Нет, не началось, это что-то другое...

Что-то...

Что это там...

Жала уже сама бежит к окну, открывает, распахивает, что за Жала, ничего не боится. И то правда, чего ей бояться... это мне нужно бояться, не ей.

С подоконника в комнату спрыгивает пушистый чёрный кот, сонно потягивается, шуршит бархатными лапками по ковру.

– Ой, смотри, у нас тут ещё и кот будет! Ой, ми-ми-ми, няшечка...

Вымученно улыбаюсь.

– Ты чего?

– Ничего.

– Чего ты на этого кота так смотришь нехорошо...

– А что мне прикажешь, плясать и прыгать от счастья?

Смеёмся. Заставляю себя смеяться. Смотрю на большие часы над столом, на календарь. Могу и не смотреть, всё равно не знаю, когда это случится...

Жала обнимает меня за плечи, кладет голову мне на плечо, родная, ласковая, любимая, бесценная, сжимаю её руки, целую пальцы, ладони, запястья, поднимаюсь выше, до плеч, до ямочек под ключицами...

Думаю о том, что потеряю её.

Скоро.

Больно сжимается сердце.

Ночью прошёл лесной дождь, холмы украсились рошицами, возле дома появился яблоневый садик. Смотрю на Жалу, спящую у моего плеча, боюсь потревожить, разбудить, хоть одним неосторожным вздохом. Нет, все-таки раскрыла глаза, сонно потянулась, прижмури-

лась, родная, сладкая, нежная. Что-то живое и тёплое мешает в ногах, а ну да, кот, кот-кот-кот, как-то его Жала вчера назвала, уже не помню...

– Ой, миленький, ты смотри, красота-то какая! Еще бы цветной дождичек, чтобы цветники разбить...

– Сама разобьешь, не боги горшки обжигают.

– И то правда... я еще в школе увлекалась...

– Вот и вспомнишь... молодость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.